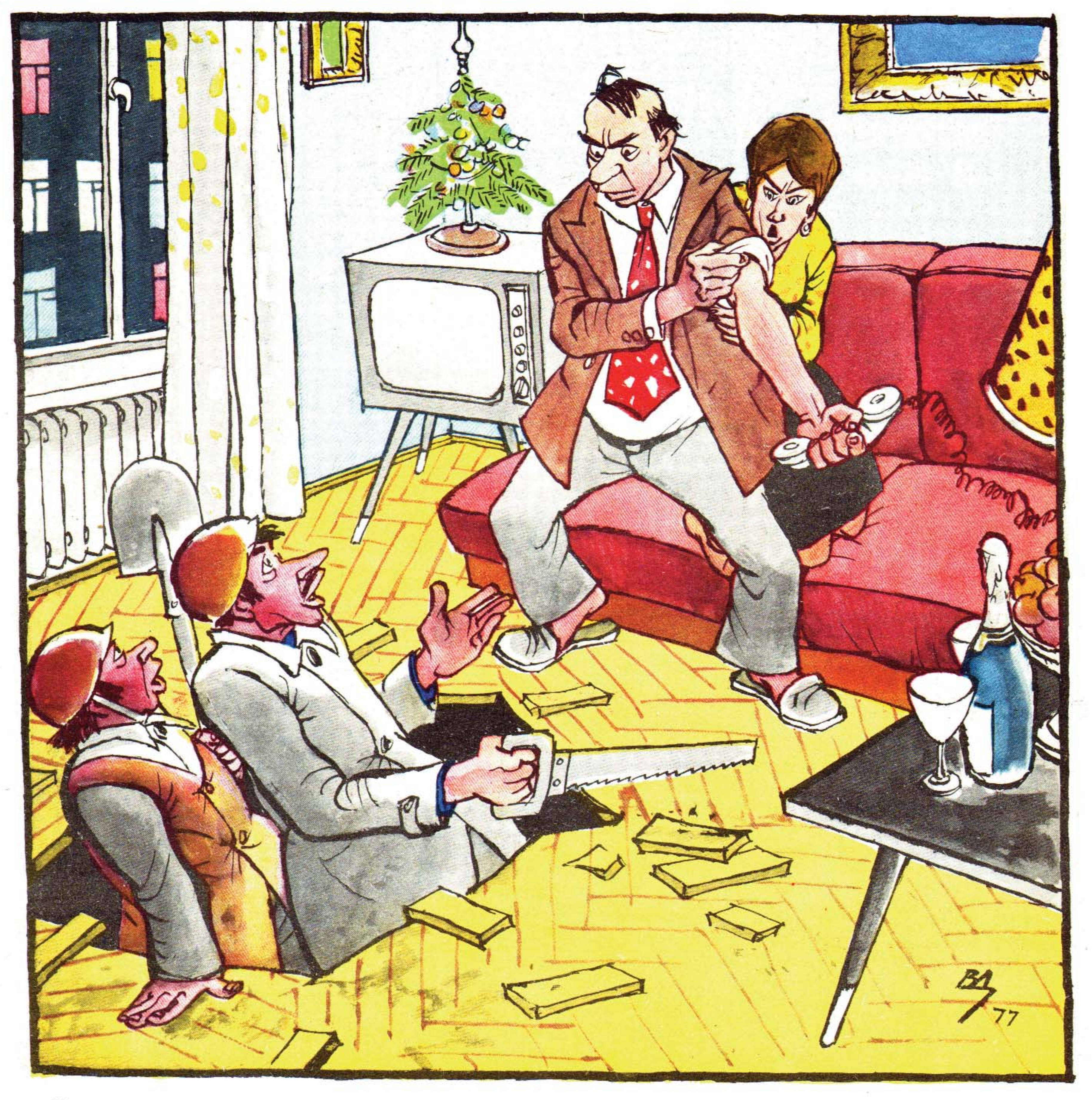
— Не толкайтесь, всем хватит!

Рисунок А. КРЫЛОВА

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.

КРОКОДИЛ

— Ох, извините, мы так торопились проложить кабель в соседний дом до Нового года...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

«...Мы гордимся нашими передовыми ткачихами, которые самоотверженно трудятся, выполняя уже план третьего года пятилетки».

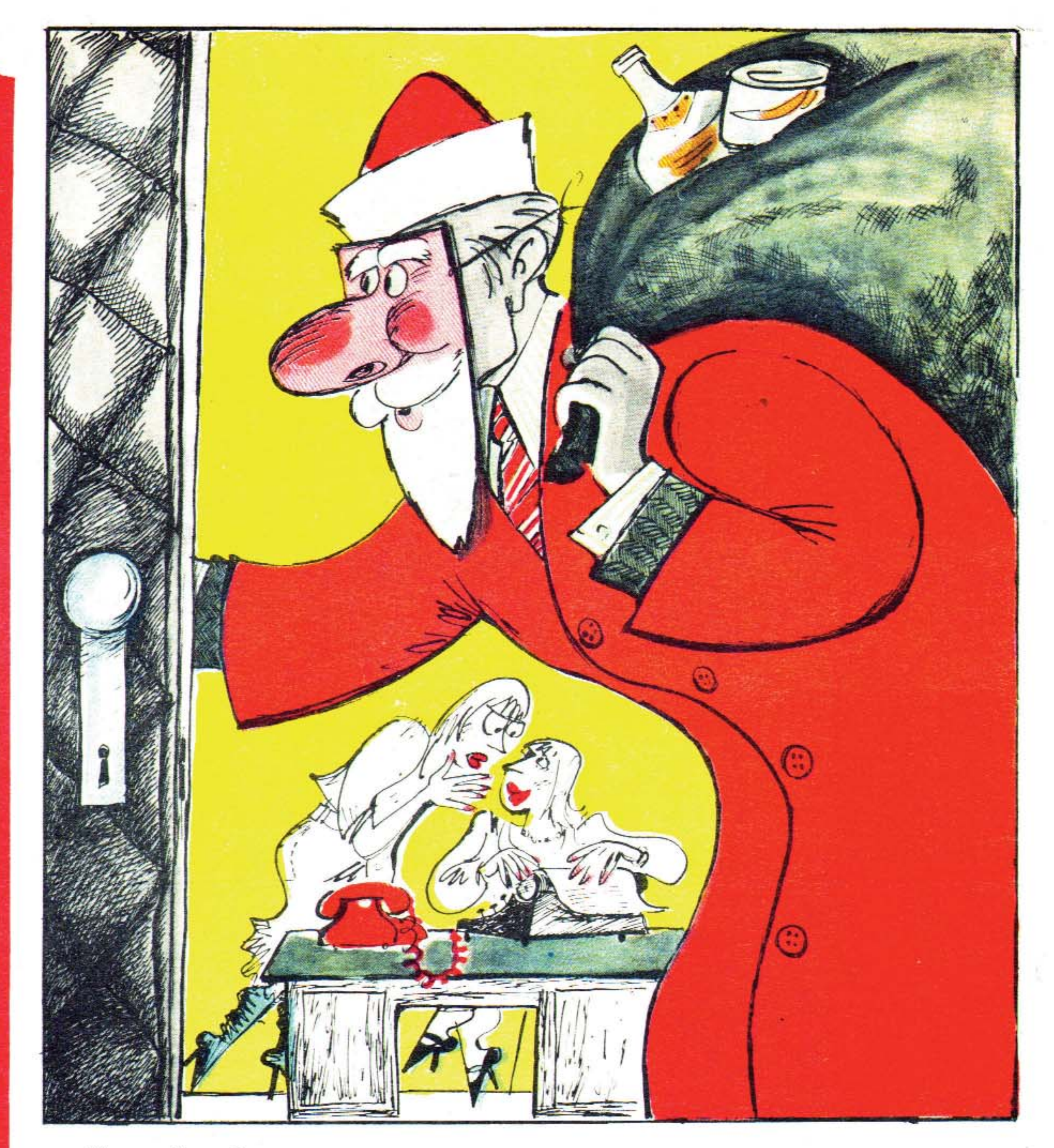
«...Сказано — сделано! — такой закон у нашей бригады. Уголь—хлеб промышленности. И мы выдали годовую норму на-гора́ по встречному плану на сорок шесть дней раньше срока».

(Из писем в редакцию.)

Чудеса мирозданья

Двенадцать месяцев в году...
И на родной планете
Все друг за дружкою идут
Второе тыщелетье.
И каждый славится трудом,
Чудес — полны охапки...
Вот, как грибы, за домом дом
Крыш поднимают шляпки...
Плывет над степью запах трав...
Спешит рыбак по трапу...
А неустанный телеграф
За рапортом шлет рапорт:
«...Два плана за год! — наш почин,
И ни на метр меньше!
На брюки хватит для мужчин,
Не только, что для женщин...»
«...Мальков пустили в водоем;
Отличная порода!..»
«...Мы песни новые поем
В счет будущего года!..»
Успехи радуют... Они
Доказаны на деле:
Недели превратились в дни,
А месяцы — в недели...
Скворцы стремятся к югу, вдаль..
(Из Мурманска в Анапу),
Медведь — в раздумье: «Не пора ль
Сосать в берлоге лапу?»
Бросает в дрожь, в конце концов,
Такая новь отсчета
И современных мудрецов
И древних звездочетов.
Кричит: «О, я схожу с ума! —
Коперник Птолемею.—
Теперь, где лето, где зима,
Понять я не сумею.
У них декабрь — в октябре,
А у кого-то — в сентябре:
Так время мчится пулей,
Что Новый год — в июле».
Поражены? А мы — свое:
Сверх плана уголь рубим...
Урчит комбайн... Станок поет...
И газ течет по трубам...
Поэтов подгоняет зуд
Облечь все мысли в рифму...
Младенцы алгебру грызут,
Вникают в логарифмы...
И дел у нас — невпроворот...
Не стой! А ногу в стремя,
Пришпорив каждый день,— вперед!—
Опережая время.
Теперь не то, что было встарь,
И аргумент есть веский:
У нас не просто календарь —
Особенный! Советский!

— Умеет Петр Семенович услужить начальству... Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Старик, не надо мне твоих подарков, загони мне лучше свою дубленку!

Когда одной лондонской рекламной фирме понадобилось на рождество пять человек для исполнения ролей Санта-Клаусов, на объявление откликнулось более шестисот желающих.

— Когда-то,— сказал корреспонденту газеты сорокадвухлетний Клайв Барнс,— я с нетерпением ждал появления рождественского Санта-Клауса. В его мешке было столько замечательных вещей. Теперь у меня тоже надежда на Санта-Клауса. Может быть, хоть он даст мне возможность поработать несколько дней, ведь я не работаю уже тринадцать месяцев.

Санта-Клаус не помог. У Клайва Барнса было слишком мало шансов: один из ста двадцати. А чтобы всем западноевропейским безработным можно было нарядиться рождественским Дедом Морозом, число Дедов пришлось бы довести до шести миллионов — именно столько сейчас безработных в Западной Европе. Причем в разных странах от четверти до половины их — молодые люди в возрасте до двадцати пяти лет.

Кризис капиталистического мира в двадцатых годах привел к появлению так называемого «потерянного поколения». Теперь молодежь Западной Европы и Америки социологи часто называют «выключенным поколением». Они действительно выключены из работы, жизни, надежды.

Говорит Жан Русселе, возглавляющий отдел трудоустройства молодежи в Национальном институте демографических исследований в Париже: «В старших классах школы среди учащихся чувствуется страшный пессимизм в отношении будущего».

Советник по трудоустройству молодежи в Западном Берлине Дэвид Харрис констатирует: «Все чаще молодые люди, приходящие к нам за помощью, страдают от острого чувства своей ненужности. Они как бы изолированы от окружающего мира, у них нет даже друзей».

И уже не рекламные, а чиновные Санта-Клаусы говорят безработным: вот скоро наступит экономический подъем, оживление конъюнктуры...

Но даже дети нынче не верят, чтобы в мешках рождественских краснощеких старичков было что-нибудь посущественнее, чем подарок, оплаченный родителями.

И все-таки нельзя сказать, чтобы правительства капиталистических стран совсем ничего не делали для облегчения положения на рынке труда. Во Франции, например, завершен десятилетний план переоборудования старых бирж труда. Теперь безработного встречают сотрудницы в ярких униформах, в помещениях приятный рассеянный свет, свежий воздух. На такую биржу просто приятно прийти. «Я думаю,— сострила недавно в интервью сотрудница биржи труда в Лионе,— что наши безработные очень скучали бы без нас. Но это чисто гипотетическое предположение».

Почти во всех развитых странах биржи труда обслуживают специальные компьютеры. Если раньше для того, чтобы узнать, где есть вакансии, требовались часы, теперь компьютер за несколько секунд выстучит ответ: «нет и не предвидится». А на очереди новые усовершенствования электронно-вычислительной техники — ответ, что работы нет, будет выдаваться еще до того, как машину спросят об этом.

Но не будем смеяться над ЭВМ. Транзисторы и диоды не виноваты. Виновато общество, строй, которые делают из миллионов людей «выключенное поколение». Но ведь люди не машины. Машину можно выключить, и от этого она лишь дольше сохранится. Люди не хотят, чтобы их выключали, и все чаще они задают себе вопрос: человечно ли общество, которое выключает из жизни своих членов!..

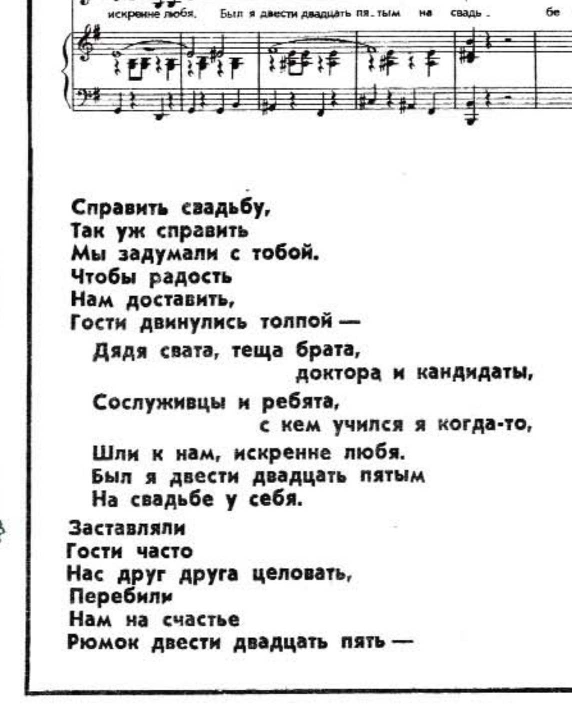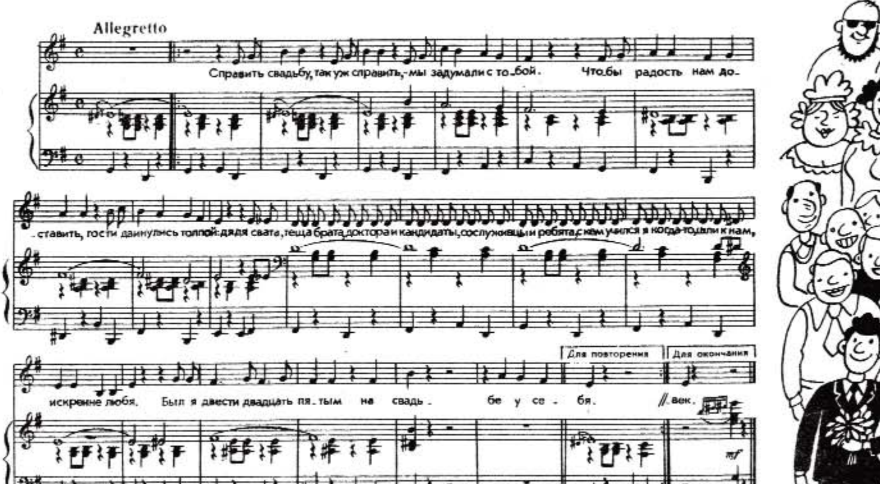

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Свадьба

Музыка Никиты БОГОСЛОВСКОГО.
Слова Игоря ШАФЕРАНА.

Шуточная песенка
(Из цикла «Простые песни»).

Справить свадьбу,
Так уж справить
Мы задумали с тобой.
Чтобы радость
Нам доставить,
Гости двинулись толпой —
Дядя свата, теща брата,
доктора и кандидаты,
Сослуживцы и ребята,
с кем учился я когда-то,
Шли к нам, искренне любя.
Был я двести двадцать пятым
На свадьбе у себя.

Заставляли
Гости часто
Нас друг друга целовать,
Перебили
Нам на счастье
Рюмок двести двадцать пять —
Дядя свата, теща брата,
доктора и кандидаты,
Сослуживцы и ребята,
с кем учился я когда-то,
В общем, все наперебой,
Чтобы жили мы богато,
Желали нам с тобой.

Выпивали
Гости дружно,
Смачно ели пироги.
Лет пятнадцать
Будет нужно
Нам выплачивать долги —
Дяде свата, теще брата,
докторам и кандидатам,
Сослуживцам и ребятам,
с кем учился я когда-то, —
Перечислить трудно всех.
Нам обоим свадьбы дата
Запомнится навек!

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

НА БЕРЕГУ ЦЕЛЕБНЫХ ВОД...

Вот признание: автор — коренной крымчанин. Он, однако, не станет цитировать стихи Маяковского о Евпатории, ибо что стихи, если есть факты?

Самый лучший пляж в стране — это здесь.

Самое полное и идеальное сочетание бальнеологических факторов — приморско-степной климат, лечебные грязи и рапа, минеральные источники, солнце, на которое неделями не набегает ни единого облачка,— это тоже здесь.

И, наконец, самый первый и самый крупный в мире детский курорт — это тоже она, моя Евпатория. Современная педиатрия не знает ни одной детской болезни, которую не лечили бы тут. А если и есть в этом утверждении доля преувеличения, то я здесь ни при чем, я цитирую С. С. Северинова. А он и заслуженный врач УССР, и кандидат медицинских наук, и председатель Евпаторийского территориального совета по управлению курортами профсоюзов. Так что извольте верить!

«СТАТЬЯ 42. Граждане СССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан...»

ВСТАНЬТЕ, ХОЗЯИН!

То есть человек, который ответствен за все поименованные выше богатства, что безрассудная природа отвалила этому уголку земли с щедростью сумасшедшей. Кто же подымется? Вы думаете, С. С. Северинов? Или, скажем, А. В. Детиненко, начальник Евпаторийского управления санаториями Минздрава УССР? Терсовет и управление, две параллельные организации, два хозяина... «Ах, два? — воскликнет искушенный читатель.— Это плохо, когда два, хозяин должен быть один». Не спешите! Их не два, их двадцать девять. Двадцать девять равноправных и гордых своей автономией хозяев. С двумя из них мы уже имели честь познакомить вас, а двадцать семь других — это различные министерства и ведомства, каждое из которых наделено клочком того, что вкупе и зовется солнечной Евпаторией.

Между двадцатью девятью хозяевами поделено уникальное побережье, именуемое в народе Золотым. Двадцать девять хозяев вгрызаются в недра, добуриваясь до глубин, из которых со свистом вырывается очередной минеральный источник индивидуального пользования. Двадцать девять хозяев норовят построить — каждый себе — мини-бювет, и их вон сколько, а надо бы один общекурортный. Расчлененная на части, ощетинившаяся ведомственными перегородками здравница жаждет объединения, как Киевская Русь в хрестоматийные времена Игорева полка.

ВОЛНЫ ЧЕРНОГО МОРЯ

Жизнь курортного города — это отливы и приливы, мощный же девятый вал приходится на летние месяцы. Втрое увеличивается население стотысячной Евпатории, а если вы не педант, то почему вам бы не зачислить ее в аристократический клан городов-миллионеров! 1 300 000 — столько индивидуумов проживает здесь в течение года.

Одних город привечает празднично и браво: «Вот вам лежак, товарищ, и кусок пляжа, вот суп харчо, а хотите — окрошка, вот культмероприятие на открытой площадке, а вот сон в летнюю ночь на берегу моря». Это — одним, тем, что приезжают по путевкам, а другие — и зовут их емким словом «дикари» — сталкиваются с южным гостеприимством в лице хозяек, которые:

— Здесь не ходить, там не лежать, рыбу не жарить, картошку тоже — у меня аллергия.

И при этом дерут с него, дикаря, по два рубля за койку, вздув цены вдвое по сравнению с недавним прошлым.

Однако не стяжательство отдельных малосознательных граждан — тема данного сочинения, а проблемы курорта в целом. «Дикарство» отсюда не изымешь. Кое-где данную проблему решили — в латвийском курорте Юрмала, например. Там создан хозрасчетный отдел по обслуживанию отдыхающих без путевок — с ним-то и имеет дело приезжий.

МОЙНАКИ И «МОЙНАКИ»

Мойнаки — прославленное лечебное озеро, какое прихотливая природа создала в единственном экземпляре.

Как и все знаменитости, оно капризно. Оно не любит, чтобы возле него ходили и ездили, чтобы его побережье беспардонно топтали, и, зная это, в прежние времена подъезжать к нему, скажем, на лошади запрещалось. Слезай и иди пешком, благоговея.

Ныне на лошадях не ездят — предпочитают автомобили. Лавина их колесит по изнеженной охранной зоне, но не подымается рука бросить камень в местное ГАИ. Их всего несколько человек — евпаторийских автоинспекторов, а автолюбителей, представляющих на номерных знаках едва ли не все буквы русского алфавита, наезжает сюда десятки тысяч.

И все-таки «Мойнаки» обороняют. Правда, не просто Мойнаки, а Мойнаки в кавычках — так называется кафе, которое взгромоздил в первой зоне непобедимый общепит. С. С. Северинов, патриот курорта, пошел, вооружившись инструкциями и выписками, на неприступный форпост и был, конечно же, далеко отброшен. «Мойнаки» существовали, существуют и, по-видимому, будут существовать, а вот применительно к озеру, что дало название удачливому кафе, будущее время пока что не очень-то применимо.

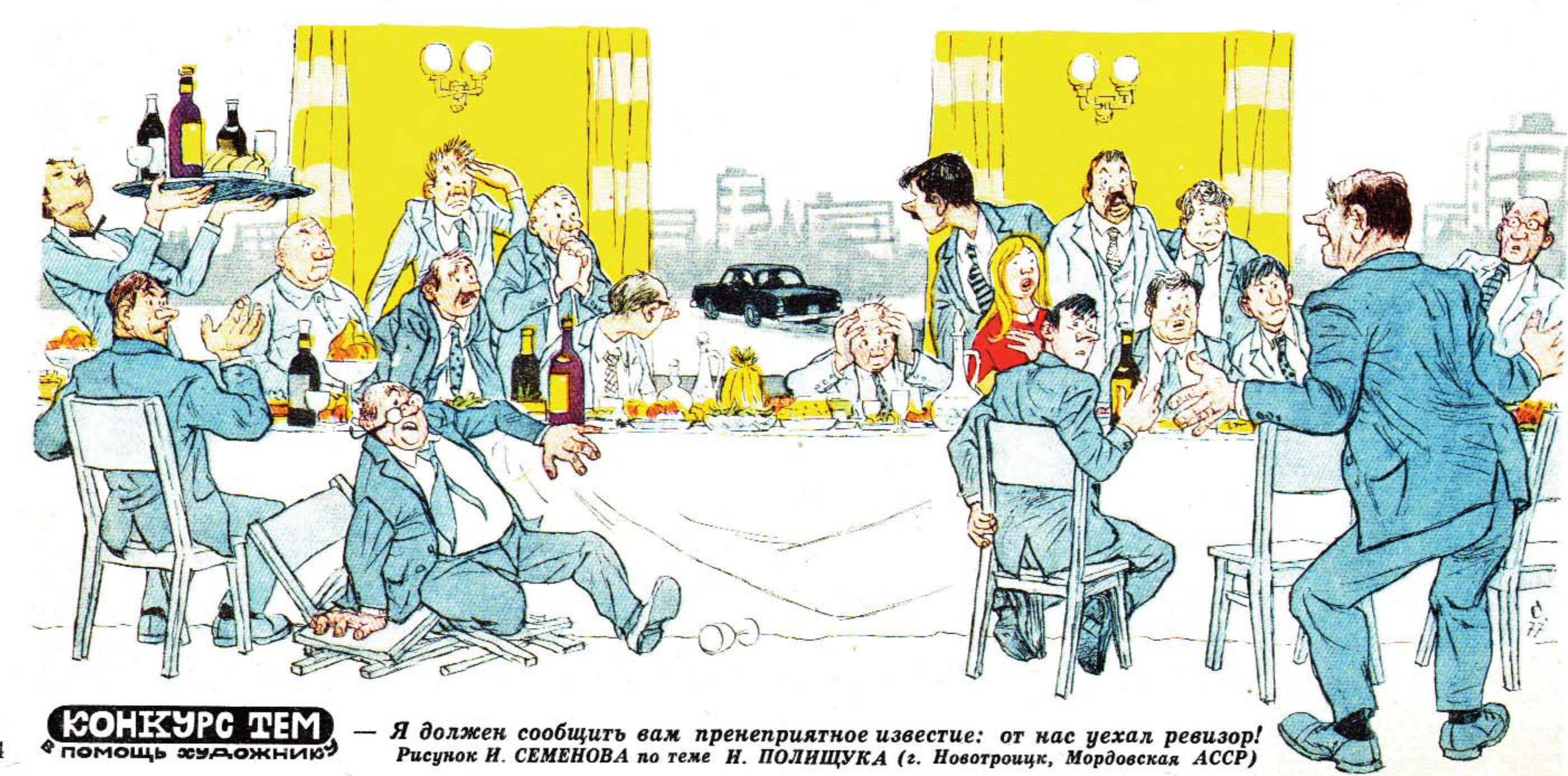
ЛАБОРАТОРИЯ БЕЗ ЛАБОРАНТОВ

Инструкция гласит: любой вид лечения осуществляется только по методикам, утвержденным Минздравом. Инструкция прекрасна, и хорошо, что она есть, но вот методик нету. Во всяком случае, таких, которые определяли б, как лечить на курорте детей. И не просто на курорте, а на таком уникальном, каким является Евпатория. Как нигде, целебна здесь природа, но пользоваться ею надо хитро, то есть согласно рекомендациям науки. Однако наука с рекомендациями медлит. В стране действует полтора десятка научно-исследовательских институтов курортологии, но среди них — ни одного, который хотя бы походя занимался курортологией детской.

Вот уже полтора десятилетия с поднятым забралом воюет город за открытие в Евпатории хотя бы филиала НИИ. В какие только двери не барабанит город — в Минздрав Украины и Минздрав страны, в Комитет по науке и технике Совета Министров СССР, в партийные и советские органы, в различные НИИ — и всюду: «Да, конечно! Это необходимо. Это крайне необходимо. Это необходимо экстренно»,— а неупакованная в рекомендательную методику целебная рапа по-прежнему окатывает детские организмы с беспечностью свободной стихии.

Кроме восемнадцати детских санаториев на двенадцать тысяч мест, в городе одних только стационарных пионерлагерей на 15 тысяч, два санатория для родителей с детьми, подростковая здравница — это ли не идеальная лаборатория для всевозможных исследований? Пожалуйте же, лаборанты! Вас ждут...

г. Евпатория.

КОНКУРС ТЕМ в помощь художнику — *Я должен сообщить вам пренеприятное известие: от нас уехал ревизор!*
Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме Н. ПОЛИЩУКА (г. Новотроицк, Мордовская АССР)

Павел ХМАРА

ТРИАДА

Ироническая микропоэма в трех главах: тезис, антитезис и синтез

ТЕЗИС
(Монолог дремучего пессимиста)

Нет счастья на свете. Удача — буза.
Триумфы сменяет усталость.
В безоблачном небе таится гроза,
в безоблачной юности — старость.
Как в слизи морской был сокрыт
мастодонт,
так спрятана горечь в веселье,
но видит ли кто капитальный ремонт
в бездумном пиру новоселья!
И первый мудрец и последний ишак,
как форма движения пыли,
и первый свой шаг и последний
свой шаг
всегда направляют к могиле.
Нас мучает зависть, стяжательства
зуд,
нас голод обжорства терзает,
болезни грызут нас, и страсти грызут,
и что еще — черт его знает.
Планета лысеет (гордись, лесоруб!)
и глохнет от грома эпохи,
кассиры неправильно сдачу сдают,
повсюду кишат выпивохи,
нагрянет несчастье, и друг твой
не друг,
и год убегает за годом...
А жизнь — это, в сущности, только
недуг
всегда со смертельным исходом.

АНТИТЕЗИС
(Монолог дремучего оптимиста)

Неужто все это мерещится мне
в мельканье обыденных сует!
Какое блаженство на нашей Земле
на каждом шагу существует!
Как счастлив цветок, как блаженствует
плод,
как страстно дыханье метелей,
как бурно, неистово радость течет
по жилам слонов и бактерий!
А люди! Вот Труженик, вот
Альтруист,
Герой и Художник нетленный!
Удел их возвышен, и подвиг их чист,
они украшенье Вселенной!
О солнечный луч, убивающий мрак,
а ну жизнерадостней брызни!
Нам горе — пустяк, нам болезни —
пустяк,
и смерть — продолжение жизни!

СИНТЕЗ
(Монолог резонера)

Мы живем в нашем мире, и что же
видим мы с философских высот!
До чего же велик и ничтожен
наш людской удивительный род!
Мы, ствола обезьяньего ветки,
стали главною силой Земли!
Если б к нам волосатые предки
заглянуть на мгновенье смогли!
Поглядеть в телевизор! Как птица,
в самолете взлететь к небесам!
На маршрутном такси прокатиться
за покупками в универсам!
Да, мы Гении, Боги, Герои!
Только мы не во всем велики:
мы лентяи, мы трусы порою,
а порою, увы, дураки.
Мы придумали жизнь на экране,
дали миру романы Дюма,
Парфенон, Сандуновские бани
и другие шедевры ума,
это наша затея — искусство,
но порой мы такое творим...
Мы придумали ложе Прокруста,
возвели и разрушили Рим!
Мы защитники. Мы и пираты,
мы источники света и тьмы.
Мы Сократы, но и Герострáты —
это мы, это мы, это мы!
Но контраст в нашей жизни уместен,
мрак не менее важен, чем свет:
как узнаешь, что праведник честен,
если рядом мошенника нет!
Красоту не понять без урода,
ум без глупости трудно узнать.
Сущность без своего антипода
просто-напросто нечем назвать!
Черно черное. Белое бело.
Звон щита — это праздничный звон.
Жизнь — хорошее, нужное дело,
и не делать его не резон.

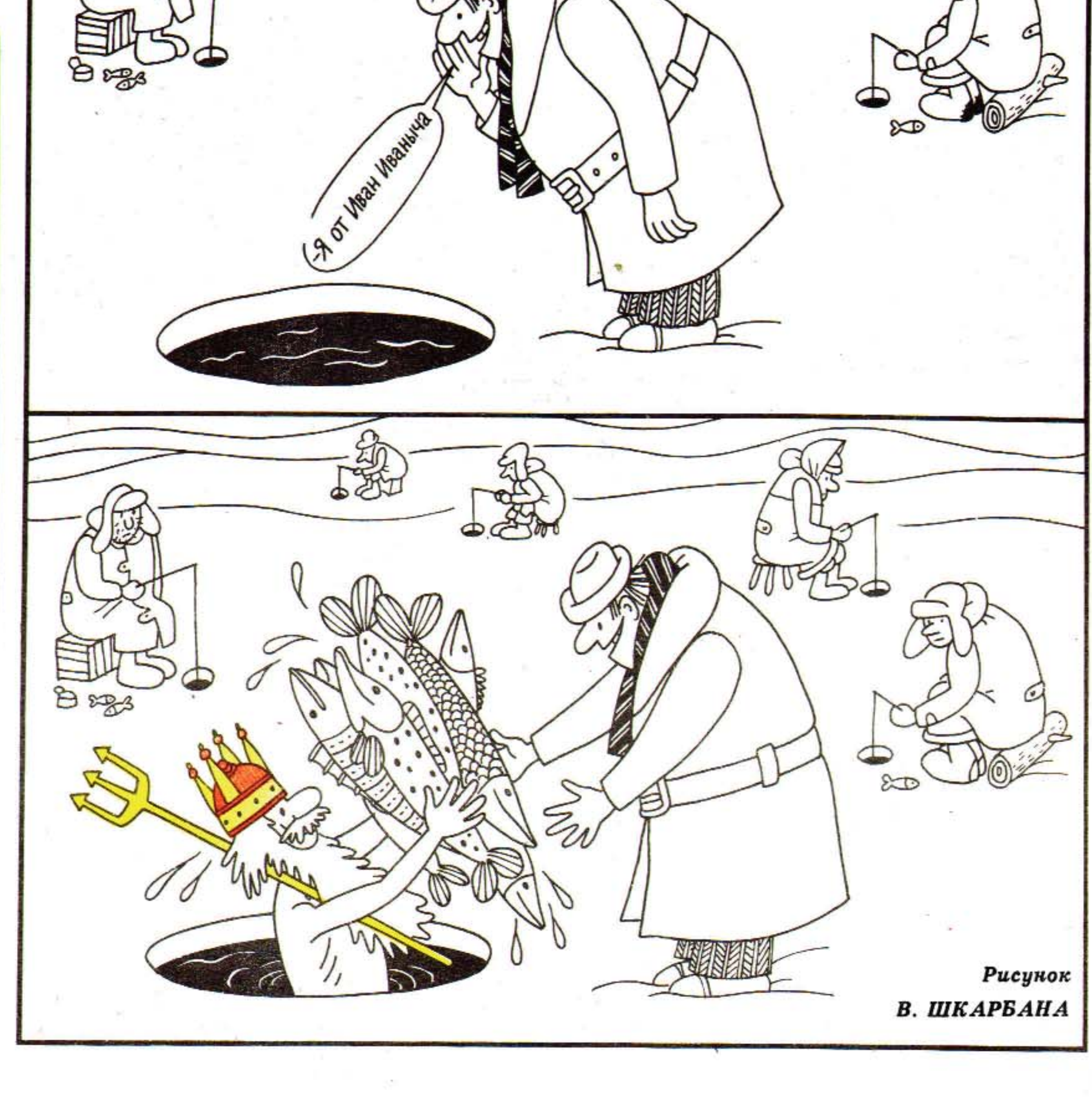

Рисунок
В. ШКАРБАНА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ПОКУДА НЕ ГРЯНЕТ ГРОМ»

Так назывался фельетон В. Митина, опубликованный в № 21 «Крокодила» за этот год. Речь в нем шла о том, что в городе Конотопе, Сумской области, во время производства работ по реконструкции улицы погиб Стодоля Сергей, 1960 года рождения.

Первый заместитель прокурора Украинской ССР, государственный советник юстиции 3-го класса тов. М. Т. Самаев сообщил редакции, что Прокуратурой УССР проведено расследование. Установлены грубые нарушения строительных правил.

К уголовной ответственности были привлечены главный инженер Конотопского комбината благоустройства Хижняк В., инженер Зеленого хозяйства Ткаченко В. и заместитель начальника Конотопского района комплексных электросетей Кваша В. Приговором народного суда Кролевецкого района, Сумской области, 5 августа 1977 года Хижняк В. осужден к 3 годам лишения свободы, Ткаченко В.— к 2 годам лишения свободы. Кваша В. осужден к 1 году исправительных работ.

«ПЕЧЕНЬЕ С НАЧИНКОЙ»

В этой заметке («Крокодил» № 30) рассказывалось, как один из жителей Уфы обнаружил в печенье «Крокет», изготовленном Кировабадской кондитерской фабрикой, кусок бечевки.

Исполняющий обязанности генерального директора Кировабадского производственного объединения хлебокондитерской промышленности тов. Т. Миртагиев ответил редакции, что заметка обсуждена на фабрике. «Посторонний предмет» попал в печенье из-за изношенности транспортерной ленты. В настоящее время транспортерные ленты заменены, проверена система просеивания муки.

«ОБМАН ЗРЕНИЯ»

В этой заметке («Крокодил» № 30) рассказывалось, как медвытрезвитель гор. Валуйки прислал на Воронежский шинный завод официальную бумагу, из которой следовало, что первого февраля рабочий Е. Попов воспользовался его услугами, хотя он в тот день добросовестно трудился на своем рабочем месте.

Получен ответ за подписью председателя завкома шинного завода тов. Д. Несмеянова. Деньги, удержанные с тов. Попова, возвращены ему Валуйским РОВД. Меры воздействия на лиц, посетивших медвытрезвитель (лишение премии за месяц, снижение размера премии по итогам работы за год), примененные к тов. Попову, отменены. За бездушие, проявленное к Е. Попову, начальник отдела кадров Д. Желтоухов строго предупрежден.

СИГНАЛЫ УСЛЫШАНЫ

ДОИГРАЛСЯ

Косинским участком Северных электрических сетей руководил тов. Яковкин, прославивший себя в районе не трудовыми успехами, а пьянством в рабочее время, путешествиями в пьяном виде на служебной машине, которая после таких поездок нередко валялась в канаве на обочине дороги.

Об этом сообщалось в письме группы читателей, которое редакция направила в Пермский обком партии. Факты подтвердились. Яковкин освобожден от должности начальника участка.

ВИЛЫ В БОК!

Возмещение

Сельскому учителю Н. Куликову в мастерской Гагинского райкомбината бытового обслуживания (Горьковская область) ремонтировали его стиральную машину не очень быстро и не очень медленно — три года.

Затем машина вообще пропала, сгинула, исчезла.

После двух фельетонов в местной газете у директора комбината А. Т. Жукова заговорила совесть и устами своего владельца молвила Куликову:

— Не рыдайте и не плачьте! Взамен утерянного агрегата мы вам выдадим новый.

А в мастерской сказали:

— Сначала пройдите в кассу. В качестве возмещения придется заплатить 21 рубль 94 копейки.

Куликов покладисто:

— Не возражаю. Платите!

И тут оказалось, что ему предлагают не получать названную сумму, а уплатить. Когда из подсобки выкатили какое-то покоробленное корыто на колесах, в его нутре оказалась лишь одна ценная деталь — квитанция на указанную сумму, якобы за произведенный ремонт.

Куликов пожаловался Жукову:

— Мне под псевдонимом машины подсовывают утиль!

Жуков нашелся:

— Под фельетонами тоже была не подлинная подпись, а псевдоним. Так что — баш на баш!..

И разошлись. Один во гневе, а другой с ухмылкой.

Р. Б.

Товар лицом

Подозреваем, что на Новомосковском комбинате химических товаров отказала вентиляция, потому что только вконец забалдевший от аэрозолей человек может выдумать такое:

На баллоне с инсектицидом изображен привлекательный песик, герой веселых мультфильмов для дошкольников.

А граждане постарше, уже постигшие грамоту, могут прочитать на баллоне: «Осторожно, яд! Не давать детям пользоваться баллоном».

Если так пойдет дальше, можно в дальнейшем ожидать выпуска уксусной эссенции «Папа Карло» и денатурата «Чебурашка».

С. СПАЗМСКИЙ.

Неудачливый футболист

Сибиряк Куткин маялся желудком. Врачи посоветовали съездить попить целебной славянской водички.

Куткин поехал в Железноводск, попил воды и до того исцелился, что от избытка вернувшихся сил захотел играть в футбол. А тут как раз на ул. Ленина магазин «Спорттовары». Бывший гастритчик купил пару кед с шипами, вернулся в Новосибирск и скорее на поле. Надел он правый кед, потом стал надевать левый, а левый-то и не лезет, потому что левый оказался тоже правым. Две правых бутсы — это, согласитесь, слишком много даже для правого крайнего символической сборной мира.

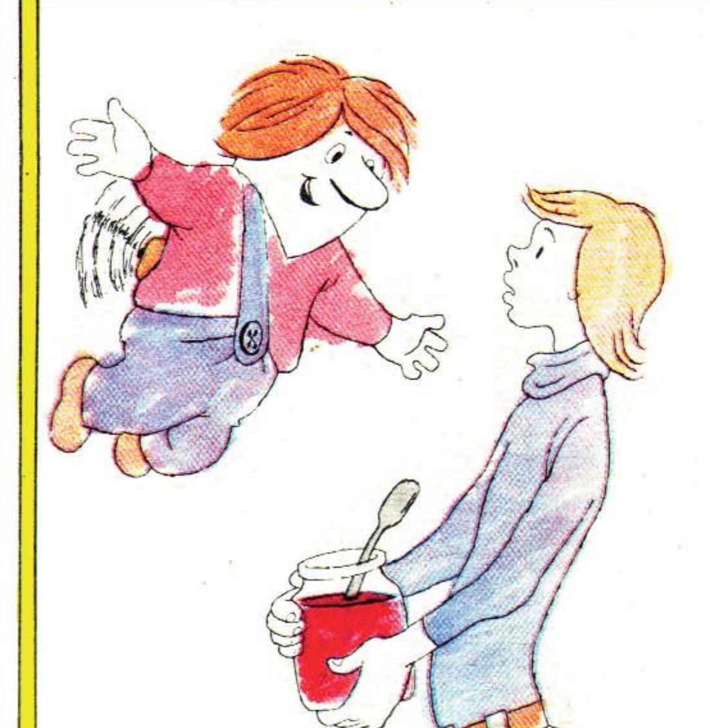
Тов. Куткин сразу же послал правый кед в Железноводск, а сам уселся на скамейку запасных за воротами. Пять месяцев прошло — ни ответа, ни привета. А поле уже желтеть стало, скоро тов. Куткин сможет выйти поиграть в хоккей, если, конечно, коньки с ботинками покупал он не в магазине «Спорттовары» г. Железноводска.

Н. С.

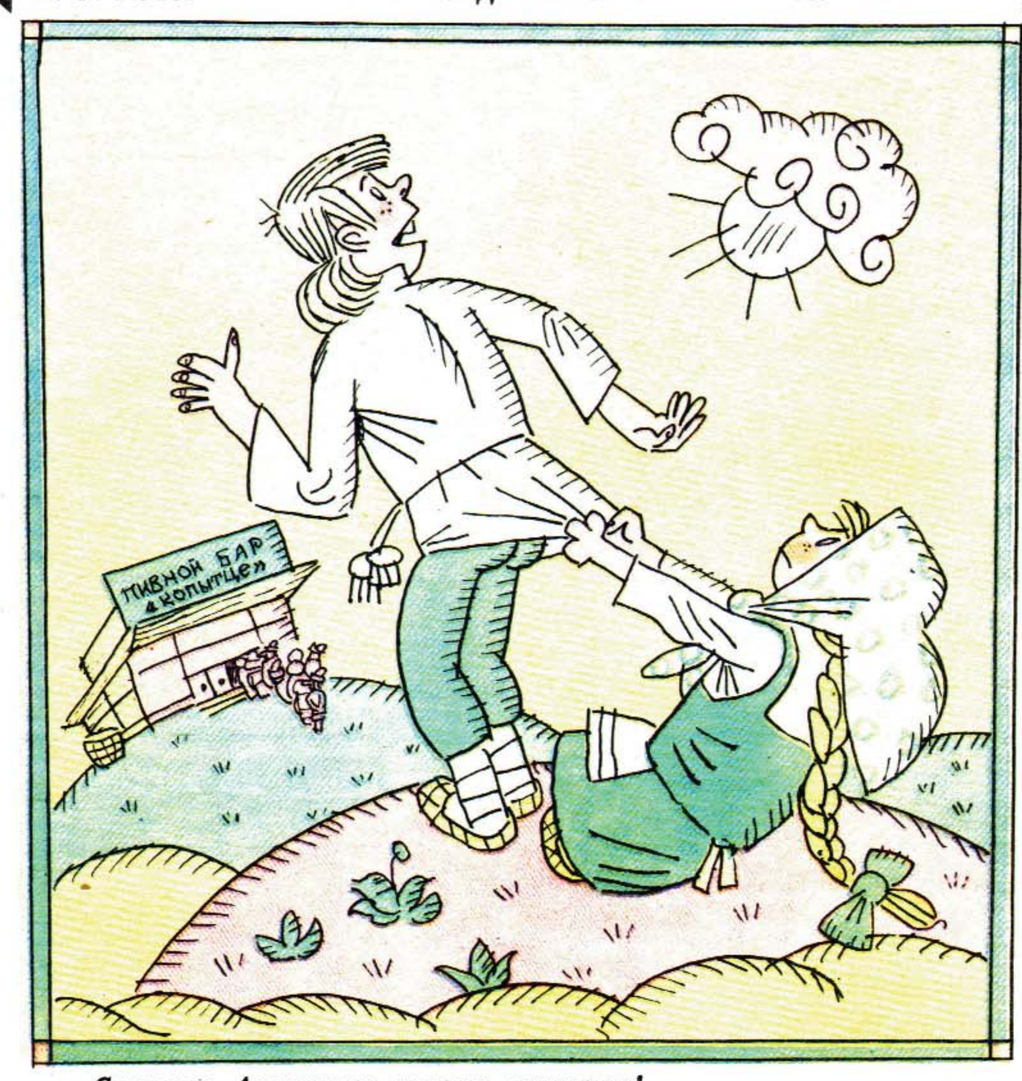
АКСЕЛЕРАЦИЯ...

Рисунки

Е. ГУРОВА Г. АНДРИАНОВА А. ЕЛИСЕЕВА

— Извини, Малыш, больше мы не сможем летать вместе: мотор не потянет!

— Сестрица Аленушка, позволь напиться!

— Козлятушки, ребятушки! Отворитеся, отопритеся!

— А у нас и не заперто!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ЦВЕТОК И ШЕСТЕРЕНКА»

Свои люди

Анатолий ГОЛУБЕВ

Рассказ

Туча, словно кряковая утка шею, вытянула темный край и устремилась с сиреневой восточной стороны на западную алую сторону неба. Потом, как бы подбитая удачным выстрелом охотника, сломалась, кувыркнулась, стала бесформенным, грязным пятном на огромной раскаленной сковородке закатного солнца.

Наблюдая за медленным полетом тучи, Васька не заметил, как подкрались к лодке сумерки. Резной край дальнего леса растаял в темноте. Зеленя на склоне холма за рекой вдруг провалились зияющей черной ямой. А сама протока, в которой стояла его утлая лодчонка, засветилась зеркалом, словно кто-то снизу посеребрил водную гладь.

Васька посмотрел на подстреленную тучу и вздохнул. Сеть он поставил минут сорок назад, твердо решив дождаться полуночи. Часов у Васьки не было, и он прикинул, что вот как поднимется луна над дальним срезом леса, так и начнет выбирать сетку.

«Если «Черт» не попутает!»

Васька не был набожным человеком — ни в бога, ни в черта не верил. «Чертом» называл он Ивана Родионовича, инспектора местного рыбнадзора, бывшего своего однокашника. Когда-то обоим было лет по семь,— они бегали с Родионычем, как его теперь почтительно величают, на эту самую Протву гонять пескарей. Бродили в осоке по пояс, хлюпали босыми ногами по острой траве, резали пальцы, вопили от боли... А еще пуще вопили от радости, когда в мокрой ивовой корзине оказывалось после шумного загона три-четыре рыбешки.

Но потом жизненные пути друзей разошлись. Васька продолжал ловить рыбу на родной Протве, и теперь уже не пескарей и не ивовой кубышкой, хотя запреты становились все строже и строже. Ванек же превратился в Родионыча и как-то вдруг стал знаменитым рыбным защитником на всей Протве.

Васька настороженно осмотрел видимый кусок плеса, пустой и черный, и начал разматывать донки. Тяп-ляп насадив приманку — донки его мало интересовали,— он забросил их веером, как делают самые жадные протвинские удильщики, и затих. Мысли его уходили в темную глубину Протвы. Он почти зримо видел мерцание сети, утопленной поперек реки в двадцати метрах от лодки. И в его разыгравшемся воображении рисовалось, как диски лещей этак килограммов по пять тычутся своими губастыми мордами в сеть, ища обхода, поднимаются по стенке вверх бочком и, наткнувшись на связь, дергаются назад, но и там уже стенка. Рыб охватывает паника, и они начинают рваться, а сеть только того и ждет...

Васькины глаза свыклись с новым сумеречным светом, и теперь чудится, что просветлело или по крайней мере наступление темноты задерживается. И эти минуты для Васьки самые неприятные, потому как именно в такое время зависает над рекой негромкий стук «казанки» Родионыча и рыбалка может полететь насмарку.

Едва он успевает подумать о рыбнадзоре, как обостренный слух его, тренированный не одной сотней подобных скраденных вечеров, улавливает неясный звук мотора. Звук мотора приближается, и теперь одна мысль сверлит Ваську: несправедливо, считает он, если сеть, которую он сегодня поставил впервой, станет добычей Родионыча. Потерять сеть, не попробовав ни одной рыбки,— никак не может он, Васька, считать это справедливым. Много раз терял он сети, но сколько раз уходил, сгибаясь под тяжестью добычи, радуя свою бабу ухой и обеспечивая себе в обмен на рыбу недельный запас самогона!

В это время туча как бы проваливается за край горизонта, и свет самого яркого места закатного неба, где еще недавно погружалось солнце, озаряет берега Протвы тревожным красноватым огнем. Лодка Родионыча, оставляя два розовых невысоких уса под носом, приближается к месту Васькиной рыбалки. Он уже узнает на корме полуобернувшуюся ссутуленную фигуру Родионыча, видит вспыхнувший огонек махры и огорчительно вздыхает. Все, что будет потом, он знает в мельчайших подробностях.

Родионыч не промахнется. Реку он изучил не хуже Васькиного. Проклятый якорек волочится за инспекторской лодкой — недаром же она идет так неспешно, и не миновать ему лещиной сети. Сейчас «казанка» инспектора поравняется с его лодкой, и Родионыч вежливо поздоровается. Но Васька не думает о приветствии. Все его нутро горит, ибо кажется, будто якорек скребет не по песчаному дну реки и перемоям, а по его телу и вот добирается до самого сердца. Как только что представлял он себе в точности лещиный ход, представляет, как жадные лапки якорька впиваются в нейлоновую паутину...

Родионыч не успевает поздороваться, лодка его тупо натыкается на что-то, и он, опытный, сразу же глушит мотор, и над рекой повисает гнетущая тишина.

Все! Васька успокаивается, насколько можно успокоиться, потеряв новенькую сетку. Спокойствие его особое. И касается только того, что игра в кошки-мышки теперь закончена.

Они оба молчат. Лодку Родионыча разворачивает медленным течением и сносит вниз. Он сидит, опершись о колено, будто ничего не произошло, и делает несколько затяжек, докуривая самокрутку. Проклятый якорек, конечно, не выпускает сети, и инспекторская «казанка» повисает на ней всем весом.

— Здорово, Васек! — глухо приветствует инспектор.

— Здравствуй, Родионыч! — отвечает Васька, стараясь придать голосу как можно больше твердости.

Инспектор не спешит начать разговор, содержание которого Васька может пересказать наперед. Так и есть: Родионыч вынимает окурок изо рта, опускает в воду, и чинарик с легким шипением, так хорошо слышным на вечерней воде, гаснет. А Родионыч говорит тихо, будто виновато:

— Твоя сетка, что ли?..

«Чего спрашивает? — с тоскливым неудовольствием думает Васек.— Знает же, что будь она и моя, все равно не признаюсь. Пока с поличным — когда сетку с рыбой вытягиваю,— не поймает».

И, подыгрывая давно знакомому представлению в двух лицах, Васек отвечает, но уже не помышляет о твердости в голосе:

— Не-е-е, Родионыч, не моя... Я этим давно не балую. Вот донки раскидал: бабе на уху в нашей рыбной речке всегда натаскаю... Много ли нам надо?! — с наглой наивностью произносит Васек. Он будто видит, как Родионыч удовлетворенно кивает головой, но и он и Родионыч прекрасно знают, что сетка Васькина и донки, на которые Васек ссылается, пустое: так, для отвода глаз.

Родионыч привстает, тянет рукой линь от якорька и начинает на этом лине подтягиваться к месту, где в глубине стоит сеть. «Казанка» под сильными руками Родионыча идет ходко, и вот он почти вдвое приблизился к месту Васькиной тони, и запустил в воду руку, и выхватил из черноты край сети, которая в свете низко висящей луны осыпается тысячами сверкающих брызг. Положив верхний фал сети на корму своей лодки, Родионыч откидывается и вопросительно смотрит в Васькину сторону. Но тот с напускным любопытством наблюдает за инспектором, матерясь в душе, но не делая ни одного движения, будто вся работа инспектора по извлечению сети его, Васьки, не касается.

Родионыч достает жестяную, в которых рыбаки держат отборных лещевых червей, коробку, отрывает не спеша газету и мастерит новую самокрутку. Прикурив, бросает спичку в воду и замирает, будто давно сговорился с Васькой посидеть вот так, вечерком, на лещей... И будто нет у обоих никаких забот, никаких волнений, никаких иных интересов...

Молчит Родионыч.

Молчит Васька.

Потом Родионыч, докурив, так же молча начинает выбирать сеть. Сначала он движется по ней в сторону противоположного берега, а потом обратно к самой Васькиной лодке. И когда остается только поднять концевый круг — большую овальную булыгу, которую Васька подобрал еще в прошлом году у ограды санатория и после рыбалок всегда прятал в кустах,— Родионыч снова делает паузу, и над рекой повисает его густой голос:

— Так не твоя, говоришь, сеть, Васек?

— Не-е-е... Не моя. Донки — вот это мои. И шел бы ты, Родионыч, поскорее со своей сетью подальше, не портил бы мне рыбалки.

Родионыч крякает, то ли от обиды, то ли от недовольства по поводу упрямства Васьки, но одним рывком выдергивает заветный булыжник, и теперь вся сеть покойно лежит у него на лодке.

Васек сплевывает в воду громко, будто запускает колыш и дергает зачем-то донку: нет мочи сидеть без действия и смотреть, как сейчас, вот так, с треском «Вихря» уплывет сеть...

Но Родионыч не торопится заводить мотор. Он словно еще чего-то ждет, хотя знает, что ждать нечего. Все ясно до конца. И все же, прежде чем рвануть заводной шнур «Вихря», он громко, как бы обращаясь не к Ваське, а так, ко всей Протве с ее перекатами и омутами, кричит:

— Скажи своей бабе, пусть вечером к Моте зайдет!

Последние звуки его голоса сливаются с треском мотора. «Казанка» будто выпрыгивает из воды, гневаясь вместе со своим хозяином, и исчезает за поворотом.

Васька переводит дыхание и дает волю ярости. Пустой, многоцветный мат долго, подобно туману, плывет над Протвой. И звуки хлюпающих донок, которые яростно вырывает из глубины Васька, совсем не слышны за матерщиной. Наконец все донки собраны, сеть увез Родионыч, теперь Ваське и вовсе нечего делать у этого омута. Но он, затихнув, еще долго сидит над водой, словно самим своим молчанием отдавая последний долг потерянной сети.

Но потом настроение его улучшается. Откуда-то из глубины сознания выплывают последние слова Родионыча. А это значит, что надо послать жену завтра же вечером... Она унесет туда два пузырька самогонки или водки и вернется с только что потерянной сетью. И хотя до смерти жалко два выпитых не им пузырька, но сеть дороже, и он снова поставит ее не в том, так в другом омуте, и кто знает, может, Родионычу повезет не так, как в этот раз, а ему, следовательно, наоборот.

Это все и называется ловлей рыбы сеткой, когда она запрещена законом, но есть по ту сторону закона свой человек.

РАССКАЗЫ ЗА НОВОГОДНИМ СТОЛОМ

Юрий МАРТЫНОВ

БЕЗ фантастики

Новый директор магазина «Галантерея—трикотаж» Николай Гаврилович Тимофеев был молод, элегантен и нетороплив. Он не стал сразу ломать дров, но через неделю настоял на переучете, а заодно и на новой выкладке товара. Все девочки, а также пышная Таисия Павловна собрались спозаранку, все в джинсах, и дело пошло. Задав нужное направление, директор вырвался для срочной беседы в торг. По возвращении прошелся по магазину и обнаружил полное затишье в отделе белья. Контролер и кассирша пили кофе из термоса, старшей продавщицы Светы не было вовсе.

— А где же, простите, Света? — иронично поинтересовался Тимофеев.— С утра, помнится, я ее видел.

— Уж и причесаться нельзя! Света в парикмахерской,— как бы обиженно ответила кассирша.

— В парикмахерской?! — выдохнул Тимофеев и выскочил на улицу.

В салоне пахло шампунем и пивом.

— Ищете жену? — участливо спросила блондинка в розовом полупрозрачном халате.

— Ищу Чебурсенкову! — выкрикнул Тимофеев.

— Из галантереи? — уточнила блондинка.

— Из галантереи!

Света сидела под голубым колпаком.

— Немедленно встаньте, Чебурсенкова! Немедленно возвращайтесь туда, где вам надлежит быть! Прихорашиваться будем в свободное от работы время!

Света показалась из-под колпака. Их взгляды скрестились. Во взглядах горело полное взаимонепонимание.

— Пожалуйста, не кричите,— сгрубила она.— Раскручиваться мокрой нельзя, понимаете вы это или вы уже ничего не понимаете? Девочки, скажите ему.

Из-под соседнего колпака вынырнула голова. Она была облеплена тоненькими палочками и принадлежала старушке лет восьмидесяти.

— Она права, права, молодой человек,— наставительно молвила старушка.— Это действительно значит все насмарку!

Голос минувшего века вернул самообладание возмущенному Тимофееву. «Я поговорю с этой красавицей. Но не здесь... Не сейчас,— решил он.— Не губить же прическу...» — повернулся и пошел в родную «Галантерею — трикотаж».

Поведение Чебурсенковой выбило из колеи весь магазин. И хотя директор, как только в его кабинете появилась больше, чем когда-либо неотразимая Света, провел оперативку, заклеймил нарушительницу и строго предупредил всех о недопустимости подобного, вторая половина дня прошла ни шатко ни валко.

Несмотря на это, Тимофеев встретил следующее утро новыми замыслами и, когда к нему постучала небольшая депутация из двух человек и попросила рубль на подарок Таисии Павловне по случаю дня рождения, охотно подключился. В обеденный перерыв Тимофеева попросили сказать поздравительную речь, он сказал и затем тактично удалился. Спустя часа два, заглянув в бухгалтерию, Тимофеев обнаружил там спящей виновницу торжества.

— Что случилось? — беспокоясь, спросил он у почтенной бухгалтерши.— Сердце?

— При чем здесь сердце? — весело ответствовала та.— День рождения! Сами речь говорили, а теперь спрашиваете.

— При чем здесь моя речь?

— Ну как же! Вы поздравили, мы выпили. Имениннице двойную поднесли, вот и спит.

Спит! Хотелось взорваться, как в парикмахерской, но, сознавая полную бесполезность взрыва, Тимофеев удалился в директорский кабинет.

В его сознании, отшлифованном высшей школой, не укладывалась шершавая повседневность. Неприятности следовали одна за другой. В книге жалоб и предложений появились две страницы, исписанные кровью сердца некоей Молочниковой И. П. Она была задержана на контроле С. Чебурсенковой, которой показалось, будто гражданка подозрительно долго крутилась около строчевышитых изделий.

Прочитав запись Молочниковой, директор выпил стакан холодной воды и вызвал к себе Чебурсенкову.

— А в чем дело? — спросила она, усевшись напротив Тимофеева и дерзко глядя на него черными глазами под черными ресницами.— Ах, жалоба! Ну и что? Я стояла на контроле!

— Корзину покупателя смотреть нужно, а не дамские сумки! Корзина у гражданки была?

— Зачем ей корзина? Она в сумочке пододеяльник могла унести.

Тимофеев погрузился в тяжкое раздумье. Он так расстроился, что едва дождался конца рабочего дня. Хотелось посоветоваться с другом Иваном, который мудро посвятил себя технике и воспитанием кадров не занимался. Иван выслушал Тимофеева и почему-то спросил, нет ли в магазине вакантного места. Тимофеев не понял.

— Старик! Работаешь с людьми, а психологии не знаешь,— со значением сказал Иван.— Завтра я приведу к тебе такую девушку на роль продавщицы, что твоя Чебурсенкова элементарно скиснет. Условие одно: если с моей Юлей что-нибудь не так, физически или морально, звонить только мне, и мне одному!

И назавтра Иван привел Юлю. Она оказалась хоть куда. Стройна, подтянута, белокура, с полным пониманием в синих глазах. В свежем голубом платьице прямо так и просилась за прилавок. Тимофеев подумал и поставил ее на пуговицы-нитки вместо полусонной Таисии Павловны, а ту бросил на косметические средства.

Юля, как и сам Тимофеев, начала с нововведений. На пустующую стенку прикрепила картоны с пуговицами, рассортировав их по размерам, цветам и назначению. Доступ к ним был свободен, и покупательницам оставалось только назвать номер. А стиль! Тимофеев выходил любоваться на эту новинку. Юля была исключительно вежлива, терпелива и быстра. Она подняла выручку до небывалых цифр. Покупательницы, не сговариваясь, писали о ней хорошие слова в книгу отзывов. Откуда-то пришел фотокорреспондент и долго снимал ее.

Первой дрогнула «парфюмерия». Потом — девушки из «перчаток и сумок». Всем явно не терпелось начать культурное обслуживание покупателей.

При подведении итогов района четыре продавщицы «Галантереи — трикотажа» получили звания лучших, среди них Юля и весь отдел Чебурсенковой. По случаю завершения смотра во Дворце культуры работников торговли состоялись торжественное вручение вымпелов и бал.

Тимофеев считал своим долгом танцевать по очереди со всеми победительницами вверенного ему магазина, хотя на балу Чебурсенкова явно шла первой по веселости и обаянию. Вот так, уже в двенадцатом часу ночи, он кружился в вальсе с Юлей и вдруг почувствовал: она повисла на его руках, странно запрокинув голову. Пока Тимофеев укладывал пострадавшую в кресло, Чебурсенкова бросилась к телефону.

— Не надо! — успел крикнуть Тимофеев.— Не надо никакой «Скорой». Я сам!

К счастью, Иван оказался дома.

— Не трогать! Капель не давать! Вообще не прикасаться! — скомандовал он.— Я выезжаю.

Через пять минут он был на месте происшествия. Бережно уложив Юлю на заднее сиденье, позволил себе отдышаться и закурить.

— Старик, что происходит? — недоумевал Тимофеев.— Я ничего не понимаю.

— Куда тебе! — необидно сказал Иван.— Ты имел дело с последней моделью нашей лаборатории, роботом экстра-класса ЧП-бис, человекоподобное — бис — три семерки — три нуля. Неплохо сварганили? Но на бал не запрограммирована, не учли. На танцы то есть. К тому же Юленьке в девять часов пора было домой, на перезарядку. Пока! Звони, не забывай!

Друзья обменялись рукопожатием, Иван забрался в машину, мотор взревел, и Тимофеев остался один. Однако не совсем. От стены отделилась фигура в белом — Чебурсенкова, как ни странно.

Она подошла к Тимофееву, всхлипывая и вытирая глаза.

— Я все слышала. Жалко Юлю. Я хочу сказать, жалко, что она...

— Ну-ну, почему же жалко? — сказал Тимофеев, обнял Свету и поцеловал в мокрую щеку

Но это уже другая тема.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Главнее таланта...

Сейчас много спорят, что в науке важнее — талант или труд? Вот вы, например, скажете, что талант. И ошибетесь. А вот вы считаете, что главное — труд. И тоже будете неправы. Важнее всего в науке умелое руководство. Так сказать, организация всего этого дела.

Я это не голословно утверждаю, а доказать могу на примере нашего НИИ. Лет пять назад разрабатывали мы тему «Возможности адаптации человеческого организма к водной среде». Попросту говоря, изучали, может ли человек жить под водой и что для этого надо сделать. Ну, вообще-то это только так говорится, что изучали. Поскольку у нас в отделе, как назло, ни талантливых нету, ни трудолюбивых, все занимались большей частью своими собственными делами, тем более, что зарплата все равно шла.

Год проходит, другой, все тихо, спокойно, и вдруг, как снег на голову, приезжает из центра комиссия проверять, чего наш отдел добился и каких научных глубин достиг. Все, конечно, занервничали: и те, которые без таланта, и те, что без трудолюбия. Один начальник хорошо держится, твердо. Вызвал он к себе в кабинет всех сотрудников и говорит: так, мол, и так, ввиду сложившихся обстоятельств придется кому-то из вас лезть под воду и пробыть там хотя бы минут двадцать, чтобы доказать комиссии, что мы в деле адаптации добились определенных успехов. Желающие есть?

Ну, сотрудники мнутся, конечно: дескать, мы плавать-то не умеем.

— Ах, вон что! — рассердился начальник. — Премии получать умеете, в командировки в Сочи ездить тоже умеете, а принять участие в эксперименте, чтоб доказать собственную научную состоятельность, на это у вас, значит, умения не хватает?! Ладно, раз добровольцев нет, я их сам назначу. Вот вы, Руслан Константинович, два раза на международные симпозиумы ездили по этой теме. Вы, Гостев, диссертацию собираетесь защищать, а вы, Коровкин, просили вас завсектором назначить. Вот вам троим завтра и лезть под воду! И смотрите у меня, если раньше чем через двадцать минут на поверхность высунетесь, горько жалеть будете! Никаких оправданий не приму, так и знайте! А теперь идите, готовьтесь к эксперименту и помните, что главные качества ученого — выдержка и терпение...

На следующий день собралась комиссия в полном составе возле бассейна с водой. Те трое, которых начальник добровольцами назначил, поклонились комиссии, с товарищами попрощались и пошли на дно. Пять минут там сидят, десять, пятнадцать. Наконец не выдержали, звонят со дна прямо начальнику по специальному телефону.

— Все, — говорят, — больше сил нет терпеть без воздуха. Поднимаемся наверх!

— Только попробуйте,— шепчет в трубку начальник так, чтоб комиссия не слышала.— Вы, Гостев, защитите у меня диссертацию, как же! А вам, Руслан Константинович, надоело, видно, на симпозиумы ездить? Хотите на овощную базу помидоры перебирать? А Коровкину там передайте, я его не только завсектором не назначу, но и из старших научных сотрудников выведу. Он у меня по конкурсу ни за что не пройдет, так ему и скажите!

Ничего на это со дна не ответили, только бульканье в трубке послышалось. А комиссия стоит себе на берегу, ни о чем не догадывается, только на часы поглядывает и удивляется. Наконец минут через сорок председатель комиссии заволновался:

— Уж не случилось ли там с ними чего-нибудь? Скажите им, пусть выходят...

— Это можно, — отвечает начальник и тут же по телефону команду подает на выход.

Заволновалась вода в бассейне, и, к великому изумлению комиссии, вышли оттуда как ни в чем не бывало участники эксперимента, живые и невредимые.

— Это просто фантастика! — говорит председатель комиссии. — Это... это переворот в науке! Поздравляю вас, коллеги!

Обнял он начальника, расцеловал и уехал. А через два месяца нашему институту категорию повысили. Так что талант или там трудолюбие — это, конечно, качества неплохие, но все же главное в науке — умелое руководство...

Татьяна СЛУЦКАЯ

В огороде бузина...

Виноватой всегда и во всем бываю только я.

Во всех случаях жизни. Без исключения!

Стоит мне произнести любую, на первый взгляд вполне безобидную фразу, например: «Ужас, как болит зуб...» — в ответ я услышу:

— Как правило, приличные люди хотя бы раз в году показываются стоматологу.

Я говорю: — Жарко...

Он: — Ты никогда не умела бороться даже с временными трудностями.

И так далее. Буду ли я молчать, или встану на уши, отстаивая истину, все равно — неправа буду я.

Хотите пари? Пожалуйста! Можете задумать любую, совершенно произвольную словесную конструкцию. Ну, что-нибудь вроде «В огороде бузина...» или «Сегодня плохая погода...»

Представьте. Субботнее утро. Ребенок в школе. Обед есть даже на завтра. Следовательно, впереди — масса возможностей.

— Митенька, пойдем на лыжах,— говорю я за завтраком, заранее предвкушая прогулку по тихому заснеженному лесу.— Побродим, подышим, послушаем.

Он смотрит на меня так, будто я по врожденному недомыслию предложила посетить не что-нибудь, а верховье реки Амазонки.

— Во-первых,— говорит он,— у меня на куртке оторвана пуговица, которую никто так и не удосужился пришить. А во-вторых, ты что, разве не видишь, какая сегодня погода?!

Погода сегодня прекрасная. За окном тихо, чуть пасмурно, медленно падает снег... Но спорить бессмысленно. Поэтому я быстро перестраиваюсь и составляю список дел из 32-х пунктов: помыть, подшить, разобрать, погладить...

Он тоже не сидит сложа руки. Он с головой уходит под шкаф и вытаскивает ящик с коллекцией. Там лежат гербы городов. Есть крошечные, на булавках. Есть и побольше.

Однажды, когда я смахивала пыль с его настенной экспозиции, один чугунный герб рухнул мне на ногу. После этого ногу пришлось одеть в гипс. Это было летом, и я прекрасно отдохнула у мамы на даче. Любое явление, знаете ли, имеет свои положительные стороны...

Так и сейчас. В конце концов, у меня есть список дел, в списке 32 пункта, и каждый требует усилий и времени.

Я принимаюсь за 13-й пункт и слышу:

— Хорошо, что мы отказались от твоей вздорной идеи и не пошли на лыжах.

Известно, что в конечном итоге виноватой буду я, поэтому молчу.

— Ты не находишь, дорогая, что сегодня гнусная погода? — кричит он, будто мы в дремучем лесу.

— Нахожу! — кричу я в ответ, потому что дольше молчать опасно.

Затем я слышу шаги, сопение, и на кухне появляется голова.

— К чему, интересно, может привести этот язвительный тон? — с горечью роняет он.— Могла бы уйти на лыжах одна. Пожалуйста! На все четыре стороны. Никто не против. Лично я давно привык, что у нас нет семьи. У нас ты — это ты, а я — это я. Каждый сам по себе, и каждый вправе поступать, как ему вздумается!

Я откладываю свой 13-й пункт и говорю фортиссимо:

— В огороде бузина! При чем тут «нет семьи»?! Просто, плохая погода!

— Ну и что из того?! — у него стекленеют глаза.

— Ничего, любимый, но ты сказал, что плохая погода и что...

— Это я сказал?! Оч-ч-чень мило! Если мне не изменяет память, я говорил лишь о том, что нужно заниматься делом, вместо того, чтобы тратить драгоценное время, болтаясь в лесу под дождем...

Здесь я чувствую, как мои руки сжимают 13-й пункт — тяжелую медную ступку с пестиком. Отняв у меня этот пестик, он продолжает:

— Разве я настаиваю на чем-то противоестественном, дорогая? Все хорошо, не так ли? И единственное, что меня удивляет — почему ты вечно всем недовольна? Отчего тебе никогда и ничего не нравится? Ну, чем, например, погода тебе сегодня не угодила?!

Я улыбаюсь и смотрю в окно. Там пасмурно. Падает тяжелый, налитый влагой снег...

— Ничего погода,— шепчу я, пожимая плечами.

И я принимаюсь за следующий, 14-й пункт.

И вдруг из комнаты раздается его голос:

— Кстати, дорогая. К вопросу о бузине... Ты, конечно, так и не удосужилась ответить на письмо нашего киевского дядьки? Да или нет? Не слышу. Нет? Вот так-то мы поддерживаем родственные отношения!

Алексей
ХОДАНОВ

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Что я видел в Берлине

Когда оркестр взорвался чарльстоном, Ганс проворно вскочил из-за столика, подбежал к озорно улыбающейся Гретхен и галантно упал на одно колено. Напор его юношеского обаяния был так велик, что, невзирая на строгий взгляд супруга, Гретхен вспорхнула со стула, как весенняя бабочка с цветка, и в следующую секунду они уже неслись по залу, выделывая ногами немыслимые па, но сохраняя при этом подчеркнуто невозмутимую осанку, и если бы какой-нибудь шутник поставил им на плечи по кружке с пивом, то ни один кусочек ватной пены не упал бы на костюмы, кстати, так ладно подчеркивавшие их фигуры.

Словом, это был чарльстон по всем тем строгим правилам, которым, помните, учила строгая бабушка свою легкомысленную внучку, заведя по ее просьбе «свой старый граммофон».

Мнение было единодушным: Ганс и Гретхен — король и королева чарльстона, и это было нетрудно предвидеть ну хотя бы потому, что новоявленная «королевская чета» была удивительно молода — Гансу едва перевалило за 76 (семьдесят шесть), а Гретхен за 70 (семьдесят).

Но когда оркестр заиграл славное, старых еще времен танго «Брызги шампанского», из-за столика поднялась Матильда и первая, поскольку танго объявили «голубым», подошла к Курту, супруга которого, учитывая ситуацию, ничуть не возражала или по крайней мере делала вид, что не возражает, и зал стал свидетелем нового прекрасного танца.

Здесь уже чувствовался некоторый опыт танцоров: как-никак Матильде было восемьдесят семь, а Курту девяносто два.

Тра-та-та! Прямой, как струна, Курт, вытянув руку, кружит даму, четко, по-тореадорьи, чеканя шаг. Тра-та-та-та-та-та! — обворожительно улыбается Матильда, подчиняясь мягким, но настойчивым приказам «ведущего».

Но полно. Чтоб читатель не принял все это за новогодний сон, сразу же поясню, что действие происходило совсем недавно в крупнейшем берлинском рабочем Доме культуры «Пратер», где по инициативе симпатичнейшего Доната Вахтеля, который более похож на студента, чем на директора, праздновался очередной «Семейный вечер», и участниками его были только бабушки и дедушки, которым предлагалось в качестве входного билета сбросить груз прожитых лет и превратиться в веселых и чуточку легкомысленных молодых людей, и билеты эти были нарасхват.

А Центральное телевидение ГДР с удовольствием вело прямую передачу, включив «Семейный вечер» в свою еженедельную популярную программу «Берлин-оригиналь», и надо было видеть, как задорно светились глаза операторов, когда они, пританцовывая, катали по залу свои камеры.

Наверное, самым скучным человеком на этом вечере был один из почетных гостей, автор этих строк, который по просьбе ведущего — известного берлинского юмориста Йохана Петерсдорфа мрачно готовился ответить на несколько глобальных вопросов, касающихся юмора как такового. Обдумывая их, он невольно, с тихой грустью, противопоказанной программе, вспоминал своих бабушек и дедушек, коротающих время с вязаньем перед телевизорами или скучающих на скамейках возле подъездов. Вспоминались также деловые дети и внуки, видящие в стариках только зорких нянь, сторожей и кухарок.

И автор подумал: где, на каких километрах жизненной дороги теряются эти огненные чарльстоны и танго и куда уходит та самая замечательная молодость, которая никуда не должна исчезать, ибо, оказывается, никто не умеет так задорно веселиться, как жизнерадостные молодые люди, которым всего лишь за семьдесят!

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

В обстановке подстановки

Буржуазные ученые-экономисты лезут из кожи вон, чтобы придумать вместо пугающего их слова «кризис» какой-либо более обтекаемый термин, например, «спад роста».

Несложно продолжить
эпиграфа нить:
Все кризисы можно
легко устранить.

Сначала — заметить
небрежно и просто,
Что кризис есть «спад
при наличии роста».

Затем подчеркнуть,
не жалея старания,
Что кризис всего лишь
«зигзаг процветания».

Потом исходить
из такого расчета,
Что кризис — «заминка
прогресса и взлета».

Засим объяснить
на примерах забавных,
Что кризис — «гримаса
возможностей равных»...

Побольше такой
чепухи сочинить —
И кризисы можно
легко устранить!

Николай ЭНТЕЛИС.

Письмо из редакции «ВСИТ»

МИЛАН, «ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ», СИНЬОРЕ ЛЮЧИИ, УБОРЩИЦЕ

Полнее корзины, синьора!

Уважаемая синьора Лючия!

Мы знаем, что в эти дни Вы единственное живое существо, оставшееся в помещении «Центра социально-экономических исследований». Насколько нам известно, весь наличный состав Центра во главе с самим синьором директором Джованни Кодевилла отбыл в Рим на «слушания о нарушении прав человека в Восточной Европе», а Вас одну-одинешеньку оставили в обществе швабры, ведра и пылесоса. Но не грустите, дорогая, — уверяем Вас, что это не самая плохая компания, во всяком случае, лучшая, чем та, что в обычные дни курит, разглагольствует и загружает скомканными черновиками мусорные корзины. Так что не скучайте и отдыхайте.

Вы заметили, конечно, синьора Лючия, что перед своим отъездом в Рим Ваш патрон синьор Кодевилла был страшно нервозен, криклив и суетлив. Вы помните, как он распекал Вас за то, что Вы смахнули с его стола вместе с пылью пару каких-то важных бумажонок. Вы не поняли тогда, с чего это он так расходился. Не огорчайтесь, милая синьора Лючия, Вы не сделали ничего греховного. Скорее даже наоборот. Должны Вам заметить с полной определенностью, что в данном конфликте между Вами и директором наши симпатии полностью на Вашей стороне: определить, какой из документов Центра не является мусором, трудновато, поскольку в известном смысле все они — мусор. Если бы Вы стряхнули в пыльный мешок не две бумажки со стола директора, а двадцать две, было бы намного чище не только на столе, но и в мире и в эфире.

Возможно, синьора Лючия, Вы не совсем точно представляли себе, какие-такие римские «слушания» готовил Ваш патрон. Вкратце поясним.

Он собрал в столице шумную горстку иностранцев — «инакомыслящих» переселенцев, отщепенцев и выдворян, которые зарабатывают себе на хлеб клеветой на покинутую ими землю отцов. Чтобы Вам яснее было, синьора Лючия, о ком идет речь, разрешите прибегнуть к близкому Вам сравнению — эти людишки очертя голову сиганули в мусорную корзину истории, а враги социализма пытаются этот мусор утилизировать.

Конечно, чего уж там отрицать, некоторых прав эта публика действительно была лишена у себя на родине. Тут им, беднягам, не давали права на реставрацию капитализма, на разжигание гражданской войны и межнациональной розни. В этом смысле они — не станем скрывать — были бесправны. Что было, то было. На эту тему они и канючат всласть на своих сборищах, обильно орошая слезами жилетку Вашего патрона.

Когда синьор Джованни Кодевилла вернется из Рима в Милан, привета ему от нас не передавайте. И не только в том дело, что таких, как он, мы не приветствуем, мы за Вас боимся: он может счесть это за насмешку, возьмет да и (спаси Вас и помилуй пречистая дева Мария!) выгонит Вас с работы. А Вы ведь не имеете гарантированного права на труд, о чем ужасно занятому синьору Джованни просто некогда задуматься. А в Западной Европе и без Вас хватает безработных...

Путем сепаратных переговоров израильская дипломатия пытается расколоть единый фронт арабских государств, затрудняя тем самым созыв Женевской конференции по Ближнему Востоку.

Израильский дипломат: — НА ЭТОМ ТАНДЕМЕ МЫ ДАЛЕКО УЕДЕМ... ОТ ЖЕНЕВЫ!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Эхо «Локхида»

Поначалу ничто не предвещало веселья, тем более что господин Асао Михара не эстрадный комик, а генеральный директор японского ведомства по вопросам обороны. И вот этот совершенно серьезный мужчина устроил пресс-конференцию и заявил:

— Решено закупить в Америке сорок пять самолетов специального назначения — для борьбы с подлодками.

Журналисты, слегка нахмурившись, записали эту новость в свои блокноты. А затем господин Асао Михара отмочил первоклассную шутку. Да еще с каменной физиономией, что весьма усилило комический эффект. Впрочем, не исключено, что даже сам Асао Михара не оценил всего юмора произнесенной им фразы. Сказал же он следующее:

— Японская сторона совершит эту сделку, только если поставщик — фирма «Локхид» — поклянется, что не даст ни одному японцу ни одного доллара в качестве взятки.

Вот тут корреспонденты расхохотались. Из заявления генерального директора можно было сделать по крайней мере два вывода: во-первых, что он не верит в моральное оздоровление фирмы «Локхид», прославившейся своими взятками возможным покупателям. А во-вторых, Асао Михара, сам того не заметив, дал весьма нелестную характеристику и японским чиновникам. Он, видимо, хорошо знает, что если «Локхид» опять даст им на лапу, они опять возьмут, не побрезгуют...

«Пожарники» за работой

Одной из самых популярных профессий в США в наше время становится профессия пожарника в кавычках — так в Соединенных Штатах называют людей, которые устраивают поджоги по заказу. Если кому-то выгоднее получить страховую премию, чем ремонтировать пришедшее в ветхость строение, он приглашает «пожарника». По сообщению журнала «Тайм», число поджогов доходит сейчас до 100 000 в год — четырехкратный рост за последние десять лет.

В одном только Нью-Йорке в прошлом году было совершено без малого 7000 поджогов. Лейтенант Джеймс Махоней из пожарного управления Сан-Франциско говорит: «Поджог — самое дешевое в мире преступление. Все, что нужно, — это коробка спичек». Лейтенант немножко упрощает. Специалисты по поджогам не просто чиркают спичкой. За свои немалые гонорары, получаемые от домовладельцев, они в состоянии использовать новейшие достижения химии. Смеси для поджогов состоят из множества ингредиентов, делающих расследование причин пожара почти безнадежным делом.

«Поджоги, — говорит заместитель начальника пожарного управления Нью-Йорка Джон Барракато, — являются барометром упадка городов».

И стрелка этого барометра показывает на огонь. «Разрушения от пожаров, вызванных поджогами, — говорит прокурор из Бронкса Марио Мерола, — напоминают разрушенные бомбардировками города».

Десять тысяч выгоревших домов стоят в Чикаго.

Свою статью, посвященную «коммерческим пожарам», американский журнал «Тайм» не сопровождает никакими выводами. Да и какие могут быть выводы, если ради страховой премии домовладелец готов на все. Бизнес есть бизнес...

Рисунок Н. МАЛОВА

— Ищи!

Рисунок С. ПЕТРОВА

КРОКОДИЛИНКИ

— И куда я девал спички?

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА по теме А. ИГРОКОВА Пудожский район, КАССР

КОНКУРС ТЕМ
в помощь художнику

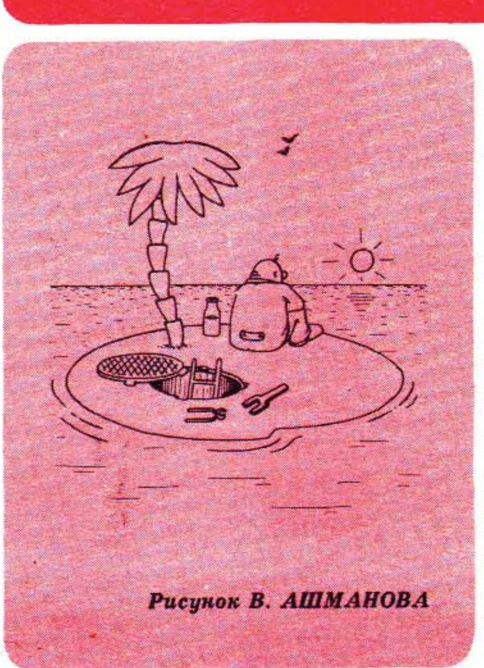

Рисунок В. АШМАНОВА

Рисунок Н. НУРМУХАНБЕТОВА

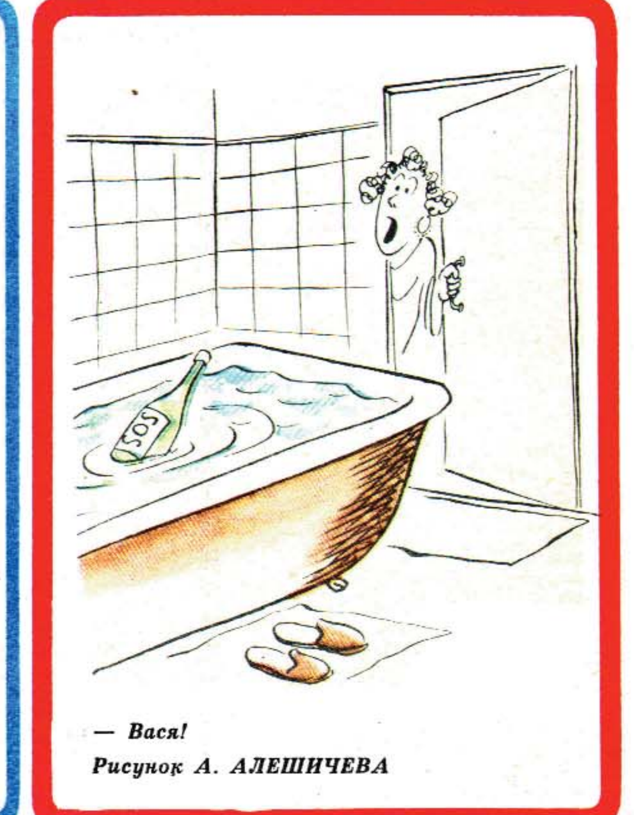
— Кто за тебя делал домашнее задание?

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА, г. Душанбе

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Рисунок П. КОЗИЧА, г. Витебск

— Вася!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Родился в 1932 году. С композитором Вано Мурадели написал песню «Едем мы, друзья!». Окончил МГУ. Лирических стихов и песен опубликовал много. Сатиру тоже люблю. Предлагаю одно сатирическое стихотворение читателям «Крокодила». Надеюсь, не последнее.

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ ДИОГЕНА

Элегия

Жил в бочке Диоген. Как ноги
зябли!
Но одиноко не было ему:
раскачивалась бочка,
как кораблик,
плывущий в вечность,
в звезды,
в брызги,
в тьму!

Днем
с фонарем
искал он Человека.
Смеялся. Строил домики из карт.
«Кого он ищет?»
Человека.
«Эка,
мол, невидаль!»
А он его искал.

Он обходил все цирки и арены —
бессребреник, фанатик, Диоген,
Фонарь его — не слишком
современный —
просвечивать мог души,
как рентген.

Но раз вернулся он в пустую
бочку...
Ушла,
ушла последняя из жен!
Все тщетно. Диоген поставил
точку.
Фонарь загнал на барахолке он.

Уж не стремился он дойти до сути,
а начал о квартире думать вдруг.
Он служит в Философском
Институте
Античной Академии наук,
он пишет диссертацию о мозге,
с апломбом говорит в кругу
коллег:
«О, Александр Филиппыч
Македонский,
начальник жэка,— это Человек!»

Теперь философ стар.
Оклад в полтыщи
он тратит на табак и на коньяк,
а Человека он уже не ищет,
на ложь не реагирует никак.

Теперь он стар. Но иногда, в угаре,
припомнит бочку... Жизнь прошла,
как сон.
Он в домино играет на бульваре
с такими ж диогенами, как он.

КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ»

Ц. МЕЛАМЕД

Поздравление

— Метаморфозе радуюсь
такой:
У шефа стал ты
правою рукой!
— Сей факт, мой друг,
не стоит и гроша:
Начальник у меня,
увы,— левша.

г. Рига.

Ю. ОСТРОВСКИЙ

Выход найден

Разобрали море на чернила,
Только все равно
их не хватило,
И когда совсем дошли
до ручки,
С шариками выдумали
ручки!

г. Москва.

Ник. ЭНТЕЛИС

Проза поэзии

По тем, кто украдет
хотя бы грамм,
Строчи огнем нежданных
эпиграмм.
Но если пропадают
килограммы,
Достаточны ли только
эпиграммы!

г. Москва.

Заки НУРИ

Ценитель

Его пленила нежная
листва
И, чтобы рассказать
о том народу,
Он на березе вырезал
слова:
«От всей своей души
люблю природу!»

Диссертация

Напрасно диссертацию
клянут
И временем потерянным
стращают;
Ты защитишь ее
за пять минут —
Она ж тебя лет сорок
защищает.

Перевел с татарского Александр МАТЮШКИН-ГЕРКЕ.

Семен ПИВОВАРОВ

О климате

«Изменился климат»,—
пишут.
И вполне права печать —
Даже летом часто слышу:
«Что-то стало холодать!»

г. Феодосия.

КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ»

В нашем цехе

Комедия — это серьезно

В закругленном коридоре, примыкающем к павильонам, расположилось Объединение комедийных и музыкальных фильмов «Мосфильма».

Я открыла дверь кабинета главного редактора объединения А. Бродянского и вновь оказалась в привычном для меня мире: небутафорская мебель, стол, заваленный сценариями, бесконечные телефонные звонки и посетители.

В паузах между выяснением времени съемок, уточнением сценарного плана, обсуждением только что просмотренного фильма «Диск» — о творчестве ансамбля «Песняры» — и другими важными срочными делами А. Бродянский рассказал:

— Городничего встретили? Так это наш Л. Гайдай заканчивает съемки «Инкогнито из Петербурга» — по гоголевскому «Ревизору». Только что вышел на экраны «Служебный роман» Э. Рязанова и А. Брагинского. Ну а «Сто грамм для храбрости» и «Трудный день понедельник» вы, наверное, уже видели. Еще закончены короткометражные фильмы: «В цирке только женщины» и «Клоуны и дети»... Вот что мы успели сделать за полтора года существования объединения. Много это, мало — судите сами. Между нами говоря, это много.

— А почему этого объединения не было раньше? Ведь какие-то комедии выходили.

— Да, вы правы, выходили, и были хорошие комедии. Но их было немного. Они делались стихийно, на разных студиях. Они были бездомными, и сравнить их можно разве с падчерицами. Весь реквизит, актеры — все это выделялось для съемок комедии в свободное от съемок серьезных фильмов время. К комедиям как к жанру кино зачастую относились скептически, мол, нечто легкое, несерьезное, так сказать, иной раз даже малоидейное, потенциально грозящее осложнениями. Поэтому редко какая студия соглашалась брать на себя такую обузу. Кроме этого, было очень мало своих авторов. И вот, в мае 1976 года председатель Госкомитета по кинематографии Ф. Т. Ермаш подписал приказ о создании на базе «Мосфильма» мастерской комедийных фильмов Объединения комедийных и музыкальных фильмов. Директор объединения — О. Мужчинкин, а художественные руководители — признанные «асы» комедии Г. Данелия, Э. Рязанов, Л. Гайдай. Мы постарались привлечь талантливых комедиографов. Это Г. Горин, А. Арканов, В. Токарева, С. Шатров — сценаристы, Е. Щукин, А. Мкртчян, Б. Бушмелёв, А. Маркелов — режиссеры, В. Басов, Л. Куравлев, Е. Моргунов, Н. Румянцева, В. Титова, Н. Кузьменков — актеры...

— И вопрос традиционный.

— Наши планы? Пожалуйста. Будут сделаны короткометражные фильмы по пятнадцати темам. Они расскажут о наших достижениях. Идут пробы актеров для экспериментального фильма по рок-опере А. Богословского «Алые паруса». Положено начало творческой дружбе с кинематографистами Франции: будет сниматься фильм «От Невского до Монпарнаса» по известной во Франции оперетте «Душечка». Композитор — Шарль Азнавур. Идет работа над альманахом «Пена», составленным из лучших советских кинокомедий. Э. Рязанов приступает к съемкам фильма «Герой гусарского полка», Б. Окуджава и С. Соловьев работают над сценарием «Вера, Надежда, Любовь». Г. Данелия закончил снимать фильм «Ничего особенного». Зрители встретятся с фильмами «Целуются зори», «Остановите Потапова», «Дурочка», «Бабий бунт», «Сны и сновидения Георгия Ереванского» и другими. Некоторые из этих фильмов еще в сценарном плане, некоторые запущены в производство.

— И последний вопрос: встречаются ли съемочные группы вашего объединения со зрителем, так сказать, лицом к лицу?

— На «Мосфильме» давно уже творческие дискуссии со зрителем стали традиционными. Вы же понимаете, что режиссер и актеры, как правило, не имеют возможности увидеть реакцию публики, а каждому художнику хочется непосредственно узнать, как принимают его работу. Ведь для актера каждая роль, а для режиссера фильм — обычно два года жизни, и поэтому это очень важно для дальнейшего плодотворного творчества. Кстати, сейчас мы впервые едем на встречу с рабочими ЗИЛа, везем туда свои новые работы. Так что, если есть время,— поехали!..

Е. ПЕТРОВСКАЯ.

нарочно НЕ придумаешь

«Тов. Грицаеву М. И., приемщика заказов комплексного приемного пункта, уволить с должности по ст. 41 п. 2 (за недоверие к материальным ценностям) с 14. 02. 1977 г.»

(Из приказа).

Прислал В. Десятник, Одесская область.

«Продаются копии картин «Запорожцы» И. Репина и «Явление их народу» Иванова».

(Объявление).

Прислал В. Зыбин, г. Львов.

«Каждый день, проведенный в школе,— это лишние знания».

(Из выступления преподавателя).

Прислал В. Капустин, г. Воронеж.

«Прибор распаковали, но комплектность проверить не могли, т. к. инструкция составлена на импортном языке».

(Из докладной заведующего складом).

Прислал А. Карлов, г. Обнинск.

«Магазин закрыт по техническим причинам для битья мух».

(Объявление).

Прислал К. Морозов, г. Ленинград.

СМОТРИТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
5 В КЛУБЕ ЦВЕТНОЙ
«ДЛИННОЕ ДЛИННОЕ ДЕЛО»
НАЧАЛО 20 30 УДЛИНЕННОЕ
ЦЕНА 30 к

Прислал Б. Сулейманов, г. Калуга.

— С трудом, но все-таки удалось их вытащить на свежий воздух...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

КОНКУРС КРОКОДИЛА

Что бы это значило?

НАБИТЬ РУКУ

Дать взятку.

СМОТРЕТЬ В ОБА

Иметь дома два телевизора.

В. Круглов, г. Суворов.

БРАЧНЫЙ СОЮЗ

Дружба бракоделов.

А. Буланенко, г. Новокузнецк.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Магнитофон.

В. Дубинин, с. Н.-Пайва, Алтайский край.

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

Плагиат.

Е. Кузнецов, пос. Щербиновский, Краснодарский край.

ВЗВЕШИВАТЬ КАЖДОЕ СЛОВО.

Сдавать книги в макулатуру.

В. Кулида, г. Днепропетровск.

Мой недолгий ящик

Беседы с читателями

Балерина в сапогах и ценители в футляре

Леонид Лиходеев, автор фельетона «Самодельные очки» (№ 19), писал о людях, которые, подобно чеховскому «человеку в футляре», смотрят на искусство с позиции «как бы чего не вышло». В частности, в фельетоне комментировалось письмо в редакцию, подписанное псевдонимом «Семья служащих». Однажды вечером эта «семья» просмотрела по телевизору балет «Спартак» и пришла к печальному выводу, что Центральное телевидение и Большой театр подсунули ей в высшей степени безнравственное зрелище.

Фельетон вызвал читательские отклики.

«Не могу не выразить восхищения фельетоном «Самодельные очки», хотя, признаться, и грустно, что есть еще люди, которые видят в балете «сплошное безобразие» вместо красоты.

Г. ТЕМНАЯ, г. Ленинград.

«Те, кто возмущается одеждой балетных артистов, просто люди, которые видят искусство только в полированных гарнитурах, коврах, шубах, машинах — словом, вылитые мещане, и детям своим они не могут объяснить, что такое Искусство.

М. БУДАРИНА, г. Ярославль.

Но в редакцию пришли также письма, авторы которых тоже считают современный балет «непристойным зрелищем». Крокодил пригласил в редакцию постановщика балета «Спартак» — главного балетмейстера Большого театра, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Юрия Николаевича Григоровича и попросил его принять участие в заочной беседе с читателями.

КРОКОДИЛ. Юрий Николаевич, вот познакомьтесь с письмом москвича И. И.: «Партнерша висит вниз головой и ногами держится за шею партнера и старается его очаровать. Хотелось бы узнать, что выражают па балерины в балете «Кармен», где она демонстрирует массу элементов солдатской муштры, шагистики. Или это действительно солдатский танец, тогда зачем нужны балетные костюмы? Дать ей сапоги и ружо!»

Ю. Н. ГРИГОРОВИЧ. Скажи-ка, дорогой Крокодил, ты танцуешь вальс?

КРОКОДИЛ. «Вальс устарел, говорит кое-кто, смеясь...» Но для меня это по-прежнему любимый танец. Даже среди читателей, осуждающих балет, нашелся его поклонник. К. С. из Тамбова пишет: «По сравнению с балетными ломаниями как целомудрен, например, вальс».

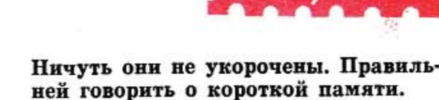
Ю. Н. ГРИГОРОВИЧ. «Целомудрен...» Какое опрометчивое заявление! А ведь было время, когда вальс считался не более, не менее, как «бесстыдным». С точки зрения эстетического слепца, роман «Анна Каренина» — воспевание супружеской неверности и разврата. Чеховский «человек в футляре» Беликов с ужасом вопрошал: «Разве преподавателям гимназии и женщинам прилично ездить на велосипеде?» Так что при желании (а если не хватает культуры, такое желание когда-нибудь да проявится) «безнравственность» можно найти в чем угодно.

КРОКОДИЛ. Например, в балетных костюмах, «Семья служащих» и ее единомышленники требуют переодеть артистов балета, на чьи костюмы, по их мнению, детям смотреть вредно.

Ю. Н. ГРИГОРОВИЧ. Уж если переодевать, так переодевать! Не только артистов балета, но и гимнастов, акробатов, борцов, штангистов, боксеров и в первую очередь пловцов. Не вывесить ли объявления: «Детям до 16 лет посещение пляжа воспрещается»?

КРОКОДИЛ. Калининградец М. Н. утверждает, что в шестидесятые годы в балете «и танцы и костюмы были в рамках приличий». Но вот что любопытно, Юрий Николаевич. В 1962 году на моих страницах был опубликован фельетон Ю. Алексеева «От печки» (см. № 17). В нем тоже комментировалось письмо, автор которого возмущался и танцами в тогдашнем балете и балетными костюмами.

Ю. Н. ГРИГОРОВИЧ. Вообще одежда артистов балета создается по канонам, которые стали классическими еще в прошлом веке. Для «Спартака» костюмы в полном соответствии с классическими традициями разработал Симон Вирсаладзе, художник с большим и тонким вкусом. И вполне естественно, что в 1969 году, когда наш «Спартак» был удостоен Ленинской премии, лауреатом стал и автор костюмов.

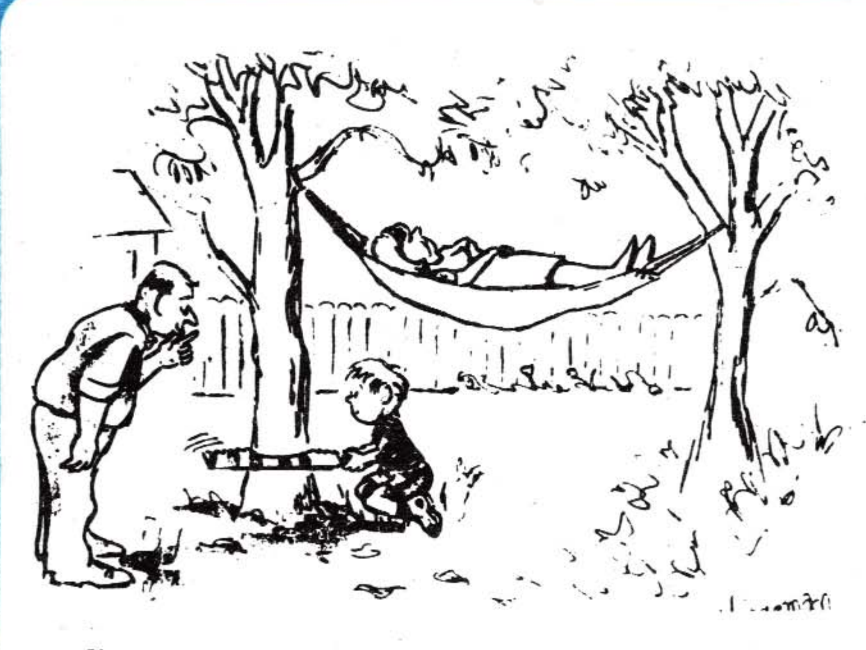
Ничуть они не укорочены. Правильней говорить о короткой памяти.

КРОКОДИЛ. Н. Бадян из г. Шахты пишет: «Уважаемый Леонид Лиходеев! Прочла я фельетон «Самодельные очки», и мне понравился ваш ответ «семье служащих», но вы все же не объяснили, почему так много еще людей, у которых неправильные представления о нравственности. Если с детства не прививать или прививать в недостаточной степени, что как раз и имеет место, нормы культурного поведения, понимание культурных ценностей, умение видеть подлинную красоту и отличать ее от мнимой, невозможно воспитать по-настоящему нравственных людей. Когда у человека не хватает культуры, он усматривает безнравственность там, где ее нет, и, наоборот, не замечает там, где она есть. Поэтому нужно больше и больше хороших, популярных книг о воспитании, о культуре, живых, увлекательных, недидактических лекций в клубах, домах культуры, школах, на предприятиях и, конечно, по телевидению и радио».

Ю. Н. ГРИГОРОВИЧ. Прекрасное письмо! Готов подписаться под каждым словом.

КРОКОДИЛ. Я тоже.

Беседу записал Н. МОНАХОВ.

— *Не так громко, разбудишь маму!*

«Бостон глоб», США.

Марек НЕЙМАН
(Польша)

Пегас

Меня пригласили в издательство. Редактор долго смотрел на меня, на рукописи, лежавшие на столе, вздыхал, жевал губы, чесал нос, мычал и наконец сказал:

— М-да, молодой человек...

— В каком смысле м-да? — спросил я.

— М-да в смысле нет. Жизни, жизни вы не знаете, коллега. Не окунулись вы в гущу, так сказать, народную... Послушайте хороший совет: седлайте-ка вы своего пегаса и отправляйтесь на месяц-другой в деревню. К истокам. К живительным струям. Тем более, что нам очень нужна сельская тематика. Договорились?

Я вернулся домой, хорошенько накормил своего пегаса, положил в чемодан чистой бумаги, вскочил в седло, дал шпоры, и мы поехали. На шоссе нас обгоняли все, от юрких «фиатов» до тяжелых грузовиков, но в конце концов мы все-таки добрались до симпатичной деревеньки. Я нашел неплохую комнатку, завел пегаса во двор, сел у окна и принялся изучать сельскую жизнь.

Сижу день, сижу другой, наблюдаю. Особых конфликтов не видно, страстей тем более. Да и народу почти нет. Кто их знает, то ли виной тому ненастная погода, то ли я както не так изучаю жизнь. Пегас мой скучает, бьет во дворе копытами, ржет.

— А ничего он? — спрашивает хозяйка.— Ничего там не натворит?

— Да не беспокойтесь,—говорю,— он у меня смирный. Копытами постучит, крыльями похлопает — и все. Животное, понимаете, здоровое, тяжело ему стоять на месте.

Через несколько дней заходит ко мне сельский житель.

— Конь,— спрашивает,— ваш?

— Мой,— отвечаю,— а что вам угодно?

— Понимаете, — мнется сельский житель,— животное, говорят, очень здоровое... Хотели попросить вас... У нас тут как раз заминка с транспортом... Ну, в общем, чтоб поработал он.

— С удовольствием, — говорю. — Берите, а то он у меня совсем застоялся. А мне им заниматься некогда, я сельскую жизнь изучаю.

Я снова к окну, а сельский житель вывел моего пегаса, запряг и уехал. День проходит, другой, третий. Снова приходит сельский житель.

— Спасибо, — говорит, — за лошадь. Очень хорошо везет. Иногда, правда, норовит взлететь, но мы ему объяснили, что во время уборочной важнее не летать, а возить.

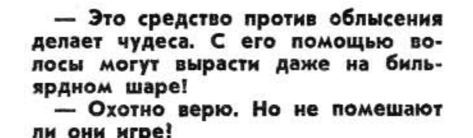
Сижу у окна еще две недели, изучаю жизнь, ищу сюжеты. Снова приходит сельский житель.

— Понимаете, — говорит, — такая неприятность. Не идет ваш пегас к вам. Тяну его, а он, как осел, упирается.

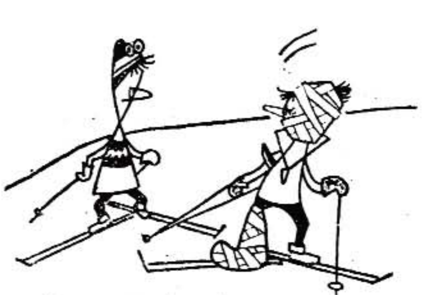
Выскочил я на улицу, чмокаю губами, кусочек сахара показываю, а он, негодяй, в мою сторону и смотреть не хочет.

Так и пришлось его бросить. А потом я узнал, что этот сельский житель премию на литературном конкурсе получил. Нет, что ни говорите, а пегасов нужно держать в строгости...

Перевел Вл. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

улыбки разных широт

—*Я заплатил за десять занятий и буду заниматься десять раз!*

«Иси Пари», Франция.

На вопрос, какой комплимент является самым приятным из всех, какие ему доводилось слышать, один английский писатель ответил:

— Один шотландец сказал мне: «Ваша последняя книга мне так понравилась, что я с трудом удержался, чтобы не купить ее».

●

— Доктор, скажите честно, неужели и грыжа у меня тоже от алкоголя!

— Да. Похоже, что вы надорвались, когда шли сдавать пустые бутылки.

— *Гм.. ни телефона, ни телевизора... Вряд ли я здесь останусь...*

«Бон суаре», Бельгия.

●

— Это средство против облысения делает чудеса. С его помощью волосы могут вырасти даже на бильярдном шаре!

— Охотно верю. Но не помешают ли они игре!

●

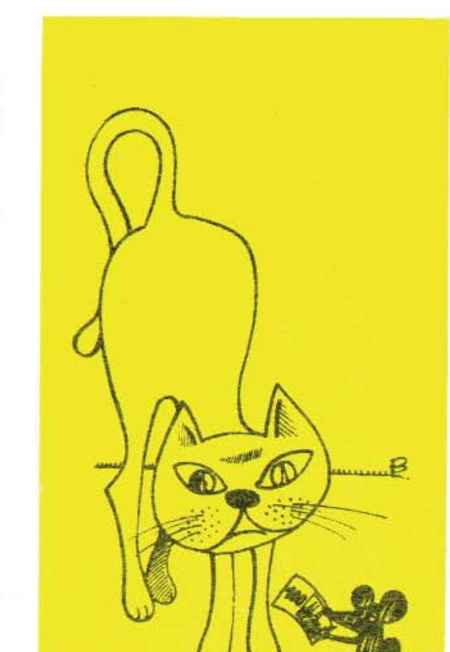
Капитан тонущего корабля обратился к пассажирам:

— Надеется кто-либо из вас спастись божьей милостью!

— Я надеюсь,— сказал один из пассажиров.

— Ну вот и прекрасно!— воскликнул капитан.— А то у нас как раз не хватает одного места в шлюпке.

●

«Дикобраз», Чехословакия.

Слова, слова...

В связи с переучетом мировых запасов афоризмов сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывки из ответов и сочинений французских школьников, собранные в книге Жана Жан-Шарля «Веселые лентяи».

Пастер был великий ученый. Он изобрел оспу, бешенство и множество других болезней.

●

Простое число — это число, которое можно разглядеть невооруженным глазом.

●

Круг — это кривая линия без углов, которая замкнута для того, чтобы не видно было, откуда она начинается.

●

Закон Архимеда: Всякое тело, погруженное в воду, можно считать потерянным, если оно не выплывет на поверхность.

●

Вдовец — это муж вдовы.

●

Сейсмограф — это аппарат, служащий для регулировки силы землетрясений.

Коста КОСТОВ (Болгария)

Автостоп

Стою на развилке, голосую. Мимо проносится вереница автомобилей, на меня — ноль внимания. Я не падаю духом. Люди вон всю Европу вдоль и поперек исколесили, пользуясь автостопом, неужели же меня до родного города не подбросят? И продолжаю тянуть руку при виде идущей машины.

Наконец-то мне повезло. Рядом остановился бежевый «оппель-капитан». Дверца приоткрылась.

— Возьмете до Драгомира? — спрашиваю.

— Это можно,— пробасил усатый водитель.

Я блаженно откинулся на заднем сиденье. Мягко, уютно.

«Оппель» легко мчался по асфальту, я же предавался самым радужным мечтам. Зачем покупать автомобиль, если можно воспользоваться автостопом и наслаждаться красивой панорамой?

Внезапно «оппель» свернул на грунтовую дорогу.

— Надо заехать на дачу,— пояснил водитель.— Покажу тебе, какие чудеса я натворил своими руками.

Он на мгновение оторвал руки от руля, чтобы показать их мне. «Оппель» тотчас подпрыгнул на неровной дороге, однако усатый быстро успокоил его.

Перед нами выросла белокаменная дача с садом позади. Машина остановилась. Водитель самодовольно вылез из нее.

— Нравится? — спросил он, хитро улыбаясь.— Все, кто ни приезжал сюда, всегда восхищались.—Не дождавшись ответа, он повысил голос:

— Помоги-ка мне. Услуга за услугу! Надо вытащить мешок из багажника.

Я его едва поднял, этот мешок. В нем оказался водяной насос и семь метров труб.

— Для сада,— бормотал усатый, пока я тащил насос.— Не могу равнодушно смотреть, как сохнут деревья.

Кое-как я дотащил насос до середины двора.

— Стоп,— скомандовал усатый.— Теперь возьми лопату и копай вот здесь. Глубже, глубже, теперь нормально!

Пот градом струился с меня, но хозяин остался доволен ямой.

— Неплохо! — одобрил он.— Может, трубы хочешь подсоединить...

— А в Драгомир когда? — не выдержал я.

— В какой еще Драгомир? — без тени смущения спросил усатый.— Я сюда ехал.

— Но это же...

Не успел я докончить, как усатый дружески похлопал меня по плечу.

— Ну, да ладно. Трубы соединит кто-нибудь другой. А если ты прямиком пройдешь вот по этой дороге три часа, попадешь в свой Драгомир.

Солнце почти садилось, когда показался город. Теперь я понял, каким образом любители автостопа пересекают всю Европу вдоль и поперек. Пожалуй, все-таки лучше начать копить на машину.

Перевел М. ФИЛОНОВ.

МОИ ЛАУРЕАТЫ

С. БОДРОВ

Р. ДРУКМАН

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Н. ЛИСОГОРСКИЙ

Ю. МАРТЫНОВ

Н. МАТВЕЕВА

Итак, творческий 1977 год завершен и, оценивая успехи, достигнутые на крокодильском сатирическом поприще, редколлегия журнала отмечает традиционными ежегодными премиями десять разгневанных мужчин и двух лирически настроенных женщин.

Большую Крокодильскую медаль получили:

Сергей БОДРОВ — за фельетон «Колодец» (№ 11).

Роза ДРУКМАН — за темы к обложкам (№№ 3, 19, 33).

Наум ЛАБКОВСКИЙ—за фельетон «Скоропортящийся талант» (№ 17).

Наум ЛИСОГОРСКИЙ — за рисунок «Оказывает давление...» (№ 29).

Юрий МАРТЫНОВ — за рассказы «Большая стирка» (№ 21), «Без фантастики» (№ 36).

Новелла МАТВЕЕВА — за стихотворения «Фехтовальщик», «Скальдкрафты», «Гробница шестнадцатого века», «Авторская перекличка» (№ 24).

Дьёрдь МИКЕШ (Венгрия) — за рассказы «Великие мыслители» (№ 2), «Операция «Альфа» (№ 18).

Владимир МИТИН — за фельетоны «Процесс с тремя миллионами» (№ 7), «Покуда не грянет гром» (№ 21).

Герман ОГОРОДНИКОВ—за работу по художественному оформлению журнала (№№ 5, 9, 11, 17, 34).

Игорь ПОДОЛЯНЮК (г. Казань) — за серию заметок в крокодильской международной газете «Вокруг света и тьмы».

Лев САМОЙЛОВ — за темы к обложкам №№ 29, 30, 32 и за рисунок на обложке № 28.

Мануил СЕМЕНОВ — за фельетоны «Память города» (№ 31), «Глухота» (№ 34).

Д. МИКЕШ

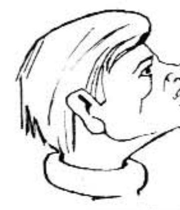
В. МИТИН

Г. ОГОРОДНИКОВ

И. ПОДОЛЯНЮК

Л. САМОЙЛОВ

М. СЕМЕНОВ

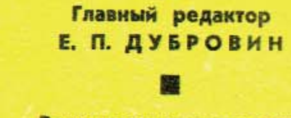
ПОРУБЩИК! СОБЛЮДАЙ ТЕХНИКУ БЕЗОПАСНОСТИ!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

КРОКОДИЛ
№ 36 (2226)
декабрь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, В. Ашманов, Б. Воробьев, П. Гейвандов, Р. Друкман, П. Козич, Н. Малов, В. Мохов, Н. Нурмуханбетов, С. Петров, Ю. Степанов.

■

НАШ АДРЕС:
102455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретать)

■

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 24/XI 1977 г. А 02161. Подписано к печати 2/XII 1977 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 730 000 экз. (1-й завод: 1—3 571 350). Изд. № 2911. Заказ № 1500.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.